

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

От «социализма» к «реальному гуманизму»

(об идейной эволюции социалиста-шестидесятника)

ВЗГЛЯДОМ «ПОСТОРОННЕГО»

Я с интересом (впрочем, соединенным с настороженностью) отнесся к идее Александра Бузгалина – попытаться описать и осмыслить тот «вклад», который был внесен участниками нашего семинара в социальную теорию (или точнее – в «теорию социализма»). Отмеченная настороженность была связана с опасением – как бы разговоры наши не вылились в некое самолюбование, упоение собственной значимостью, сосредоточение внимания не столько на проблемах, сколько на собственных персонах, демонстрирующих, по словам Маяковского, «титаническое самоуважение».

Я с большим вниманием выслушал «самоотчеты» моих коллег, которые, хотя и отмечали (как, например, Борис Славин) некий дискомфорт, связанный с определенной «нескромностью» описания *своего* «вклада», но, на мой взгляд, в целом избежали отмеченной выше опасности и нашли достойную интонацию, позволившую сосредоточиться именно на *проблемах* и рассказать в связи с этим немало интересного и поучительного.

И всё же сам я от подобного «самоотчета» всячески уклонялся – и не столько даже вследствие указанных выше подстерегающих опасностей (хотя меня и сейчас продолжает смущать установка на персоналистский анализ), сколько, во-первых, по причине моей малой озабоченности вопросами «приоритета» (в отличие от Бобчинского с Добчинским меня всегда мало волновало, кто *первый* сказал: «Э!..»), а во-вторых, и это главное – вследствие трудности отделить то, что сделано, найдено, описано лично тобой, от того, что сделано другими, близкими тебе по духу и мыслям людьми, твоими единомышленниками (вспоминаю, как на защите докторской Эвальд Васильевич Ильенков на вопрос «доброжелателей»: что нового он внес в диалектику (по

сравнению, подразумевалось, с Марксом), ответил: «По сравнению с вами у меня всё новое, по сравнению с Овсянниковым – меньше нового, по сравнению с Лифшицем – еще меньше...»).

В общем, уклонялся от самоотчетного доклада, как мог. Но загнанный настойчивостью Бузгалина в угол и не имея серьезных причин противиться выступлению, я решился. Правда, несколько видоизменив поставленную модератором нашего семинара задачу.

Так, я не ставлю целью выяснение *личного приоритета* в выдвижении тех теоретических положений, которых я придерживался, определение, насколько и в какой мере они принадлежат мне, а в какой – моим единомышленникам. Я попробую просто описать *свою* позицию по вопросам социальной теории и социализма, как она выглядела в моих книгах и статьях в разные периоды времени (надеясь, что в ней в какой-то степени отразилась позиция, которую занимали близкие мне по духу и мысли люди моего поколения – и с этой точки зрения она, возможно, будет интересна тем, кто выходит на дорогу теоретического поиска вслед за нами).

И еще. Я попытаюсь дать нечто вроде авторецензии на свои писания. Попробую посмотреть, насколько это для меня возможно, отстраненным взглядом, «со стороны», на то, что писал в своих книгах и статьях человек, «по случайности» носивший такую же, как и я, фамилию. Я постараюсь быть объективным, непредубежденным и независимым. Моя исходная аналитическая позиция: я ничего не знаю об этом авторе, кроме его *текстов*. Я не обращаюсь к его «внутреннему миру» (хотя, полагаю, что он мне более или менее знаком, но есть, правда, очень серьезная опасность исказить, модернизировать, осовременить его под воздействием моих нынешних взглядов и установок). Повторю: передо мной – *только тексты* «неизвестного» мне автора за почти полувековой период – с 1959 года по 2007 год. И основываясь на них, я попробую реконструировать его взгляды и их эволюцию. (Мы будем далее писать слово «Автор» с большой буквы вовсе не из

какого-то особого к нему почтения, а просто потому, что оно заменяет имя собственное).

В ФОКУСЕ ТЕОРИИ

Если обозначить центральную идею Автора, к которой он постепенно шел с середины 50-х годов по середину 70-х (и не отказался от нее впоследствии), то это будут тезисы:

о «несоциализме» СССР;

о том, что в Советском Союзе сформировалась новая общественная **форма**ция – несоциалистического (и некапиталистического) типа; **форма**ция социально-антагонистическая (но со специфическим типом антагонизмов, отличных от тех, что знала мировая история); **форма**ция, появление которой не удалось предвидеть ни классикам научного социализма, ни представителям каких-либо других научных школ; **форма**ция, которая решала (а отчасти решила) ряд важных, стоявших перед обществом социально-экономических задач, но в рамках развивавшихся, расширявшихся и углублявшихся внутренних социальных антагонизмов, порождая тем самым острейшие социальные противоречия, снятие, разрешение которых оказывалось возможным только в лоне коренных общественно-экономических преобразований, совокупность которых можно обозначить как «народная, демократическая революция».

Эта идея, фокусирующая основные направления теоретического поиска Автора, сформировалась и получила достаточно развернутое теоретическое оформление, повторяю, к середине 70-х годов.

Будет, думается, весьма поучительно рассмотреть, как Автор шел к этой идее, какую трактовку он давал этой **новой форма**ции и ее внутренним социальным коллизиям, как он анализировал процесс ее трансформации в последней четверти двадцатого столетия, какой в результате, по мнению Автора, строй сложился в нашей стране в начале XXI века, каково его возможное будущее и какие, в этой связи, задачи стоят перед прогрессивными силами гражданского общества России.

ПЕРВЫЙ РУБЕЖ: СЕРЕДИНА 50-х – КОНЕЦ 60-х ГОДОВ

Основные работы этого периода

«Вступая в жизнь» (статья в сб. «Журналист». № 40. 1959).

Статьи для «Нового мира» (Твардовского): «Суд над судьями», «Нравственность и революция» (полностью опубликованы позднее, а в «Новом мире» – ряд их идей в небольших статьях «Ленинский принцип историзма» в № 7 за 1967 год, «Выбор есть всегда», «Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма» и некоторых других).

И главная работа этого периода – монография «От Чернышевского к Плеханову. Об особенностях развития социалистической мысли в России» (писалась в 1963–1967 годах, опубликована – М.: Изд-во МГУ. 1969 год).

Учителя

Их, в сфере социальной теории, – трое: Маркс, Ленин, Чернышевский.

Хорошо заметно преклонение Автора перед их теоретическими исканиями, их борьбой, их образом жизни.

Характер и направление их влияния могут быть обозначены следующим образом.

1. Ими формируется *общемировоззренческий настрой* Автора. В статье «Если хочешь быть Человеком...» – цитата из Маркса, рассматриваемая Автором как обязательное жизненное кредо для всякого, кто хотел бы достойно прожить свою жизнь: «Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о собственной шкуре»¹. Но если хочешь быть Человеком, то помни, что «опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей... Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 454.

мы не согнемся под ее бременем, потому что она – жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам»². Несколько – по-юношески – пафосны эти пассажи из писаний юного Маркса, но в них выражен один из основных тезисов марксизма – о принципиальном, сущностном совпадении индивидуально-личностного и общесоциального (в пределе – общечеловеческого) начала, о том, что реализовать свое индивидуальное «я», свою индивидуальную сущность можно только трудясь «для других» (во благо «социума», во благо «человечества»); в пространстве правильно построенной деятельности «для себя» и «для других» полностью совпадают. Вместе с тем, как постоянно подчеркивает Автор (и на что он ориентируется сам и ориентирует читателя), в этой деятельности «на благо человечества» у классиков марксизма напрочь отсутствует элемент тщеславия. Для них – дело в деле. Сколько бы разные околополитологические говоруны ни писали об их тщеславии и славолюбии, для Автора камертоном оценки своих учителей являются слова Мартова о Ленине, сказанные им, между прочим, в конце жизни Мартова, когда их пути с другом молодости – Владимиром Ульяновым – резко разошлись и Мартов вынужден был бежать из России после Октябрьской победы большевиков. И вот, будучи политическим противником (можно даже сказать – прямым врагом) Ленина и одновременно – человеком абсолютной порядочности и российско-интеллигентской честности, Мартов напишет: в Ленине абсолютно не было элементов тщеславия и самолюбования, его деятельность была целиком подчинена выполнению исторических задач, как он их понимал.

2. Они, по мнению Автора, дают образец теоретико-практической деятельности. Этот «образец» предполагает, с одной стороны, ориентацию на теоретическую основательность. Их главные сочинения – это не эссе, не импровизации, не публицистическо-эстетические упражнения в духе младогегельянцев, Шопенгауэра, Ницше, Бердяева и им подобных, а совокупность идей,

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 7.

являющихся результатом обобщения громадного количества – «Монблана» – фактических данных, основательного критического анализа предшествующих теорий. Вместе с тем теория для них не самоцель. Они – не «ученые» (в традиционном смысле этого слова), или, вернее, не только «ученые», они *практические* деятели. Их девиз: философы прежних времен лишь *объясняли* мир, задача же состоит в том, чтобы его *изменить* (См. «Тезисы о Фейербахе» Маркса). Эту установку полностью воспринимает наш Автор и, вслед за Грамши называя марксизм «философией практики», фиксирует: «О чем бы ни писали классики марксизма, какие бы сложные абстрактно-теоретические и, казалось бы, далекие от практики проблемы ни разбирали они, главным и неизменным вопросом, на который они отвечали, было: «Что делать?», «Как преобразовать мир, чтобы сделать его достойным Человека?». Отсюда – энергия, страстность, призывность, мы бы сказали, набатность их произведений. «Что делать?» – эти слова можно смело ставить эпитафией, заглавием к любой работе Маркса, Энгельса и Ленина, к любому параграфу их работ. Этот вопрос ни на секунду не терялся ими из виду даже тогда, когда расстояние между вопросом и ответом на него было длиной в несколько томов «Капитала»»³.

3. В этой деятельности по преобразованию, изменению социального мира, характеризует Автор позицию классиков марксизма, особенно важны три следующих фактора: наличие серьезной теории (дающей представление о сущности преобразуемого общества и наиболее эффективных путях его реформирования), наличие политических организаций и лидеров, «политического авангарда», способного возглавить эту борьбу за преобразования, и главное – «самодеятельность народных масс», просвещенных и сплоченных этим «авангардом». «Самодеятельность народных масс» является «важнейшим принципом» классической социалистической теории и практики⁴. Провозглашенная Чернышевским и классиками марксизма

³ Водозазов Г.Г.. Диалектика и революция. М.: 1975. С. 230.

⁴ См. Водозазов Г. От Чернышевского к Плеханову. М.: 1968. С.205.

«самодеятельность народных масс» является, по характеристике Автора, высшим, интегративным показателем *демократизма и гуманизма* классической социалистической теории. И в этом контексте особенно значимо проходящее через все работы Автора противопоставление классической – демократической, гуманистической теории социализма концепции социализма антигуманного, недемократического, «диктаторского», нашедшей отражение в некоторых течениях русского народничества (Ткачев, Нечаев), в современных Марксу и Энгельсу западных теориях, которые они окрестили именем «казарменного коммунизма», а также в теории и практике сталинизма, маоизма и полпотовщины в двадцатом столетии. Вообще противопоставление марксизма (и ленинизма) сталинизму (и родственных ему идеологий), отделение марксизма (и ленинизма) от сталинизма – одна из центральных тем Автора в этот период. «Через всю историю социалистической мысли в России, – отмечается в книге «От Чернышевского к Плеханову», – проходит острая борьба двух линий в оценке возможностей человеческой воли в общественных преобразованиях: одну из них мы назвали бы революционным фанатизмом, другую – революционным реализмом». И далее – резкая, окрашенная в эмоциональные тона характеристика такого «революционного фанатизма», за которой без труда угадывается отвращение к сталинским методам деятельности: «Революционные фанатики (которые часто столь же отвратительны, как и средневековые религиозные фанатики) человеческую волю, сознание, активность превращали в исходное человеческого развития. Естественно, их не интересовали ни объективные законы борьбы, ни объективные потребности людей; природа и люди для них – лишь объект их (фанатиков) деятельности, лишь материал, который надо кромсать и мять, чтобы слепить из него что-нибудь «путное». Это – воля, которая реализуется (по планам фанатиков) в виде большой дубины, которой загоняют людей в социализм»; классический социализм «принципиально отрицает насилие над большинством народа (даже «для его же собственного блага»)»⁵.

⁵ Цит. соч. С.204.

Точка же зрения демократического социализма – «одинаково свободна от фанатических крайностей как преклонения (перед народом), так и презрения (к нему). Сторонники этой точки зрения знали могучую силу народа и уважали его, но они знали и то, что народ этот темен и невежествен, и не приходили в восторг по этому поводу. Деятельность этих революционеров заключалась в пробуждении народного сознания и революционной энергии, они обосновали основной принцип социализма: самодеятельность народных масс – только эта сила способна построить подлинно социалистическое общество»⁶. И ко многому обязывающий вывод об «ином» (понятно, что – сталинистском) «социализме»: «Иной социализм, – то есть социализм, в строительстве которого народные массы принимают участие лишь в качестве пассивного инструмента власти имущего меньшинства, – **такой социализм не есть социализм**»⁷.

4. Маркс и Ленин для Автора – *абсолютные* учителя, *абсолютные* точки отсчета; в том смысле, что больше никакие другие имена не выступают у Автора в таком качестве. Влияние – да, на Автора оказывали многие – в той или другой сфере. Но исходный теоретический и методологический *фундамент* заложен только Марксом и только Лениным. Правда, с одной, но весьма существенной оговоркой. Автор отнюдь не рассматривает каждое положение классиков марксизма как абсолютную и вечную – на все времена и для всех условий – истину. Он относится к марксизму не как к «священному писанию», представляющему собой набор совершенно несомненных («абсолютных») истин (то есть совсем не так, как требовали, чтобы он относился к марксизму идеологические наставники в школе и институте, а потом – руководящие структуры ЦК). Он относится к марксизму как к явлению *научному*. А науке свойственно *развиваться*, открывать законы и, установив впоследствии их неполноту, их ограниченность, – *исправлять и уточнять* однажды найденное, однажды открытое. «Развитие есть способ существования

⁶ Цит. соч. С.205.

⁷ Там же.

марксизма» – неоднократно повторяет слова Энгельса Автор. Вся его книга «Диалектика и революция» (М.: 1975) есть рассказ о том, как *развивается* марксистская теория капитализма и революционного действия – как открывали Маркс и Энгельс социальные закономерности, как затем выявляли их неполноту (а подчас и ошибочность), как они дополняли и изменяли их. Автор приглашает читателя усвоить не отдельные конкретные положения марксистской теории, а прежде всего и главным образом – *логику*, *вектор* ее развития, дабы иметь возможность в соответствии с этой логикой участвовать в развитии социальной теории марксизма, исправляя прежние ее положения, открывая новые, творчески применяя ее общие принципы к конкретным условиям. Сегодня, наверное, эти установки покажутся очевидными и даже банальными. Но тогда они вызывали настоящий шок у доминировавшей в то время, пестуемой высшим партийным начальством догматической школы. Ведь у них, по сути, отнималось главное оружие идеологического господства, главный способ «доказательства» правоты своей позиции: «Еще Маркс писал...», – начинали обычно они свои разглагольствования. И всё! Раз Маркс «писал» – значит это истина, и не нужны более никакие аргументы и доказательства. «Маркс писал!» – и спор окончен. А тут приходит наш странный Автор и на аргумент «Маркс писал!» восклицает: «Ну и что, что он «писал»? Давайте, во-первых, посмотрим, когда и почему он написал это, полюбопытствуем, во-вторых, а не отказался ли впоследствии он сам от написанного, не уточнил ли, не дополнил ли его, да и вообще, не ошибся ли он в данном случае». Часто и не без удовольствия Автор повторяет ленинские слова о том, что «много и часто» **ошибались** Маркс с Энгельсом. «Не без удовольствия» – отнюдь не потому, что наличие «ошибок» как бы компрометирует основоположников марксизма (без «ошибок» не может обойтись ни одна научная теория!), а потому, что Автору чертовски приятно было публично бросить в лицо начетчикам и догматикам (имеющим обыкновение побивать своих оппонентов **цитатами** из Маркса) этот страшный для «религиозно»-политических идеологов суловской формации

тезис, защищенный к тому же авторитетом Ленина. Вам хотелось бы раздавить, уничтожить творческий марксизм и его сторонников, издевательски смеется над суловцами-федосеевцами Автор, но тогда вам прежде придется раздавить и уничтожить превращенного вами в идола вашего кумира – Владимира Ленина.

5. Эти маленькие (впрочем, маленькие ли?) хитрости были в те годы, увы, неизбежны. Типичным для теоретиков, подобных Автору, было: выдвинуть абсолютно неприемлемое для партийной бюрократии утверждение и защитить его не только по существу (что мало впечатляло дубоватые головы официальных партийных идеологов), но в дополнение «прикрыться» цитатой из Маркса или Ленина. Отсюда еще одна особенность марксизма как точки отсчета в те годы. Подлинной точкой отсчета был не просто марксизм (или ленинизм) как таковой, но марксизм в Авторской интерпретации. Акцент делался на тех положениях классиков марксизма, которые без труда укладывались в Авторскую концепцию *гуманного и демократического* социализма. Справедливости ради, следует сказать, что при определенной противоречивости утверждений классиков все-таки гуманизм и демократизм были доминирующими линиями в их теориях социализма и коммунизма, и потому Автору не требовалось слишком больших усилий, чтобы представить их гуманистами и демократами (хотя тут есть определенные проблемы, но их Автор затронет только на следующем витке своей эволюции).

6. И еще один аспект затронутой проблемы. Следует все-таки отметить, что, говоря (со ссылкой на Ленина) об «ошибках» Маркса и Энгельса, Автор (и тоже вслед за Лениным) подчеркивает, что речь идет об ошибках эмпирически-конкретного характера – ошибках в определении *конкретных сроков* революционного выступления масс, их возможных итоговых результатов, то есть ошибках в деталях, в частности, в приложении фундаментальных теоретических положений к условиям борьбы в конкретных обстоятельствах. Сами же эти фундаментальные теоретические положения (принципы диалектического и исторического материализма, оценка

исторической роли и противоречий капитализма, данная в «Манифесте» и «Капитале», основы учения о классах и классовой борьбе, о социалистической революции и «всемирно-исторической миссии пролетариата») Автором принимаются практически безоговорочно. Только некоторое время спустя, где-то во второй половине 80-х годов, Автор поставит, вначале очень осторожно, вопрос об «ограниченности» ряда фундаментальных положений марксизма, о необходимости критического отношения к ним. «Сегодня, – напишет он в 1989 году, – теоретический анализ опускается на куда более глубокие этажи исследования. Речь идет уже не только об оценке сталинизма, но об углубленной оценке идей и концепций Маркса и Ленина. Совершенно очевидно, что теоретические прогнозы классиков «научного социализма» и конкретные результаты «социалистического строительства» драматическим образом не совпали. Может быть, не только в сталинизме дело, может, не безгрешны и марксизм с ленинизмом, может, и они несут «ответственность» за неудачи и провалы коммунистов?»⁸. И далее: «Я думаю, – продолжает Автор, – что неудачи и провалы коммунистической политики связаны не только с «плохими» средствами реализации, но с тем, что сам «проект» (классиков марксизма) носил на себе печать определенной исторической ограниченности. И потому недостаточно «очистить» марксизм (и ленинизм) от сталинизма, нужно, далее, преодолеть и его собственную ограниченность»⁹. Мы еще более подробно и более конкретно скажем об этом, когда подойдем к анализу работ Автора второй половины 80-х годов. Сейчас же только зафиксируем это направление развития теоретических взглядов Автора, его постепенно усиливающееся стремление более критично посмотреть на некоторые фундаментальные основы марксистской теории.

7. И, наконец, что касается самой главной для Автора темы : «Марксизм, социализм и Россия». Автора, естественно, интересует, в первую очередь, судьба *его* страны и *его* народа. И вот тут

⁸ Проблемы мира и социализма, 1989, № ??

⁹ Там же.

значение марксизма для Автора существенно сужается. Автор неоднократно и с большим удовольствием цитирует письмо Маркса Вере Засулич (1881), где Учитель пишет русской народнице, что анализ, осуществленный в «Капитале», и делаемые из него выводы относятся *только* к Западной Европе и что для понимания процессов, происходящих в России, нужен *особый* анализ. Вообще Автор ясно понимал это до и без данного указания Маркса. Но тезис немецкого мыслителя в письме Засулич способствовал возникновению благоприятной психологической атмосферы для самостоятельного исследования русских общественных условий без оглядок на марксовы императивы. Вследствие этого у Автора в сфере изучения особенностей социального развития России и специфики ее социалистической мысли Маркс присутствует главным образом в роли философско-методологического советника и наставника. Не более! Полноценными и всесторонними Учителями для Автора здесь выступают два русских теоретика – Владимир Ильич Ульянов (Ленин) и Николай Гаврилович Чернышевский.

8. Вначале – два слова о Чернышевском, как Учителе Автора. Кропотливый, можно даже сказать – дотошный, анализ политико-экономических и социально-философских работ Чернышевского приводил Автора к неоспоримому выводу, что русским мыслителем создана оригинальная и удивительно глубокая теория социализма, вернее – русского пути к социализму. Чувствуется, однако, что поначалу Автора смущало только то, что по многим позициям она весьма существенно отличалась от теории обожяемого Автором основоположника «научного социализма». Он мучительно раздваивался между Марксом и Чернышевским. Но однажды – о, удача! – Автор встретил высказывание Маркса о Чернышевском. Маркса, который, как правило, был суров в оценках своих современников. В его конспектах, на полях читаемых им книг почти нет комплиментов в адрес авторов, зато часто можно встретить: «Осёл!», «Тупица!» и т.п. К русским (вроде Ткачева, Нечаева и Бакунина) был особенно нетерпим. И только о Чернышевском – почти немыслимое в устах Маркса: «Самый

гениальный из современных экономистов!»). И уж совсем невероятное: решил изучать (!) русский язык, чтобы в подлиннике читать статьи Чернышевского об общине и общинном владении (социальные институты, занимавшие центральное место в социалистической теории Чернышевского)! Это были те самые статьи, которые до знакомства с высказываниями Маркса и независимо от них высочайшим образом оценил наш Автор. И вот, оказывается, его главный Учитель тоже называет эти статьи «гениальными»... А потом еще это письмо Засулич. В этом контексте изучение работ Чернышевского, освященное высказыванием Маркса, приобретало для Автора особо важное значение, позволяло расширять представление о социализме, о многообразии его форм, об оригинальных путях к нему, выходящих далеко за пределы марксова учения. Кроме того, Чернышевский покорял, вдохновлял и очаровывал Автора своим романом «Что делать?». Рахметов, Лопухов, Кирсанов – их благородный принцип «разумного эгоизма» (сводившийся, по сути, к бескорыстному и самоотверженному служению людям – ближним и дальним) был столь для Автора привлекательным и обаятельным, что не удивлюсь, если он, подобно одному известному историческому персонажу, восклицал: «Он меня всего перепахал!»

9. И другой россиянин – Владимир Ульянов. Еще одна точка отсчета для Автора. Ульянов, в частности, давал образец отношения к учителям. Он, твердо отстаивая фундаментальные принципы учения Маркса и Энгельса, не боялся говорить и об их «ошибках» (добавляя, правда, – и это тоже характерно для образцового «ученика» – что подобные ошибки интеллектуальных гигантов несравненно ценнее отдельных фактов мелкой «правоты» их оппонентов, ибо ошибки эти обозначали точки роста их теории). Ленин также выступал для Автора образцом сочетания верности исходным принципам учителей и самостоятельности в исследовании современных ему реалий, что приводило не только к рождению теоретических новаций, но и к коррекции самих исходных принципов.

Из современников Автор не берет никого себе в Учителя. Можно отметить, пожалуй, весьма значительное влияние, оказанное на него тремя современными ему теоретиками – в порядке значимости: Эвальдом Васильевичем Ильенковым, Михаилом Александровичем Лифшицем и Михаилом Яковлевичем Гефтером. Автор их очень ценит, но пришел к их книгам и личному с ними знакомству, хотя и довольно молодым, но в целом вполне определившимся теоретическим работником со сложившимся в основном мировоззрением. Пожалуй, лишь Эвальда Ильенкова можно считать его Учителем, но только в одной из сфер – сфере философской методологии. Сквозь ильенковскую призму был воспринят им знаменитый гегелевско-марксовский **метод восхождения от абстрактного к конкретному**, ставший у Автора методологическим стержнем всех его исследований. Ильенков был также его проводником (сталкером!) по сложным и запутанным лабиринтам классической немецкой философии (по работам Гегеля, в частности и в особенности), но не в главной для Автора сфере – сфере социального знания.

Из текстов того периода видно, что Автору близки и симпатичны многие из идей, разрабатывавшихся его друзьями и единомышленниками – такими, как Юрий Буртин, Лен Карпинский, Игорь Пантин, Евгений Плимак, Юрий Карякин (60-х годов), Генрих Батищев, Отто Лацис... Но это был круг его общения, пространство *взаимного* обмена идеями, но не отношение «учителя – ученики».

Теоретические приоритеты и политические ориентиры
(1959 – 1968 гг)

Исходное: «В СССР – социализм, но с обширными деформациями»

«Вступая в жизнь» – первая статья Автора, изданная в 1959 году, по которой можно судить о его теоретических взглядах и политических позициях того времени. Автору – 21 год.

Общую позицию Автора относительно существующей в стране социально-политической системы можно сформулировать так: **в**

Советском Союзе – социализм, но с очень глубокими и обширными деформациями. Вытекающая отсюда задача: устранить деформации. Что за «деформации» и как их «устранить»?

Одно только предварительное замечание – для ясности картины. Мы сказали, характеризуя позицию Автора: «социализм с деформациями». Так вот, о «деформациях» и необходимости борьбы с ними – в статье, действительно написано много, а вот о социализме, об аргументах, доказывающих, что существующая система действительно «социалистическая», там ни слова. По очень, думается, простой причине. Для Автора, по-видимому, тут просто нет проблемы. Тут нет еще даже постановки вопроса: социализм или не социализм? Это для Автора сама собой разумеющаяся аксиома: ну, конечно же, – социализм, что же еще, не капитализм же.

А вот теперь – о *деформациях*. Надо сказать, что в статье дается весьма масштабная и впечатляющая картина этих деформаций – так что у читателя, несомненно, должно возникнуть ощущение большой опасности, которая надвигается на страну.

В основе всех деформаций, как это явствует из статьи, – разрастающаяся система бюрократического правления, усиливающееся господство бюрократии: тесно сплоченная бюрократия, преследуя свои клановые, групповые, корпоративные интересы, теснит советскую власть, узурпирует власть народа.

В статье не об «отдельных бюрократах», не об «отдельных бюрократических извращениях» идет речь, а именно о складывающейся *системе* бюрократического господства – в ее отношении к народу, к социальным (социалистическим) ценностям. В статье (представляющей собой анализ одного литературного произведения) описывается одно из типичных звеньев бюрократической системы, некая ее «клеточка» – на регионально-областном уровне: сплоченный чиновничий клан с четко отработанной внутренней структурой, специфической

социально-психологической атмосферой и бюрократической иерархией. «Карьеристы, бюрократы, – пишет Автор, – тесно связаны между собой. Располагая большими возможностями, обширными связями, они покрывают друг друга, действуя как хорошо слаженный механизм»¹⁰. Это – редактор областной партийной газеты (вельможа, барин, «хозяин», как называют его редакционные подхалимы), его дружки и заступники в обкоме партии (всесильное региональное начальство, умеющее «зажимать рты» всем неудобным), секретарь райкома (сравниваемый Автором с известным тургеневским помещиком-самодуром Пеночкиным), председатель колхоза (аттестуемый Автором как «современный бурмистр» – одаривающий партийное начальство «коровками», «баранчиками» и т.п.), чиновная, поддакивающая и обслуживающая их мелюзга, стремящаяся проникнуть в высший бюрократический свет... Бюрократия предстает здесь не в виде забавных и смешных персонажей вроде Бывалова (из «Волги-Волги»), Огурцова (из «Карнавальная ночи») или даже Победоносикова (из «Бани» Маяковского), а в виде сильных (даже – жестоких) и «опасных врагов». Автор не скупится на самые острые и резкие характеристики их сути. Вот один из руководителей бюрократического клана: «Вглядись в него, товарищ. Крепко запомни его, запомни, как величественно он поднимает голову... Хозяин! Запомни его усталые задумчивые глаза, за которыми пустота, запомни его добрую безразличную улыбку, которая скрывает *клыки хищника*»; в деле управления людьми он руководствуется «теорией вожжей и кнута» (атрибут лихого «феодалного наездника»). И далее – о ненавистном Автору сословию: «бюрократическая шатия», «бюрократическое зверье»¹¹. Лихо!

Иначе говоря, «деформации» оцениваются как *очень* серьезные и *очень* опасные: господствующая бюрократия «не может думать и чувствовать по-коммунистически». Речь, стало быть, идет о силе, **враждебной социализму**. И потому всех, кому дороги

¹⁰ Сб. «Журналист». 1959. № 40. С. 21

¹¹ Цит. соч. С.19–20.

социалистические идеалы, Автор зовет на бескомпромиссную борьбу с ней. «Не склоняй перед ним (чиновником-бюрократом) голову! – призывает он. – Выходи на борьбу с ним. Не прогибайся под ним, не сдавайся, не прячься в кусты. Бой – желателен и абсолютно неизбежен!»

К кому же апеллирует Автор, где видит он главную силу, способную «дать бой» бюрократии и победить ее?

Эти силы, прежде всего, «внизу» – «простые, честные люди», те, кто – «в цехах заводов и на полях колхозов, на высоте строек и в глубине шахт», «честные и справедливые» представители интеллигенции, способные «в трудные минуты подниматься до вершин высокого гражданского мужества»¹².

И другое направление Авторских «апелляций» – к высшему партийному руководству и к тем коммунистам-руководителям («настоящим коммунистам»), которые «не формально принадлежат к ленинской партии», назначение которой быть «душой и мозгом народа»¹³.

Последнее требует пояснений и добавлений.

Вначале – о «надеждах» на «высшее партийное руководство». Конструкция, рисуемая Автором кажется на первый взгляд довольно наивной: «внизу» – «народ», сохраняющий в большинстве своем приверженность идеалам Октября, социализма, идеям гуманизма и социального равенства, «посередине» – враждебная социализму бюрократия, и «наверху» какие-то светлые силы, готовые соединиться с «народом» и «дать бой» бюрократии. Получается что-то вроде схемы традиционного российского сознания: «народ» и «добрый царь» против «злонамеренного чиновничества».

Так вот, не так! Автор всё же не столь наивен. Он отнюдь не «надеется» на «верхи», он просто готов *использовать* решения «верхов» (решения XX съезда – на основе известного доклада Хрущева) для подкрепления и укрепления *своей* позиции и позиции

¹² Цит. соч. С. 23.

¹³ Цит. соч. С. 21.

тех низовых, народных сил, к которым он, *главным образом*, и обращается. Да, тут нет еще развернутого анализа XX съезда, не выявлены его сильные и слабые стороны, его причины и следствия (это всё будет сделано немного позднее). Пока же, и для Автора этого тогда достаточно – констатируется, что высшее руководство партии (в лице ее лидера Хрущева) начало наступление на сталинизм. И потому теперь, как фиксирует Автор, бороться со сложившейся в сталинскую эпоху бюрократией, используя возможности, приоткрытые XX съездом, становится легче. А что, разве не так?

Вместе с тем даже здесь, в контексте этих установок, Автор постоянно подчеркивает, что всё тут не так просто, что «благодушничать не следует», полагая, что победа придет сама собой. Надо быть готовым к острым и напряженным боям, тем более, что «бюрократы, теряя позиции, становятся злее и хитрее, перекрашиваются в новые цвета»¹⁴, то есть в цвета XX съезда и натягивают на себя маски антисталинистов. Срывать эти маски зовет Автор, обнажая антинародную суть современного чиновничества, «сметать эту дрянь, путающуюся в ногах». И уверенность: «Дни бюрократии сочтены, наступило время, когда можно ставить вопрос о ее окончательной ликвидации!»¹⁵. А решать эту задачу можно и должно – **через партию, через реализацию решений, принятых на XX съезде, через развитие идей, высказанных на высоком партийном форуме, мобилизуя народные и партийные «низы» на выполнение этой задачи.** Отмечу, что одним из образцов такой антибюрократической деятельности был для Автора и его единомышленников герой очерков Валентина Овечкина – секретарь райкома партии Мартынов: через завоевание позиций внутри партии, действуя подобно овечкинскому Мартынову, можно наилучшим образом способствовать постепенному избавлению советского социализма от бюрократических деформаций.

¹⁴ Цит. соч. С. 23.

¹⁵ Там же.

Первая корректировка исходных позиций

Понадобилось 5-6 лет после той статьи («Вступая в жизнь»), чтобы жизненный опыт и теоретические раздумья выявили для Автора узкие места, утопические (а то и действительно наивные) элементы его исходных представлений.

Особенно был значим трехлетний опыт работы в правительственной газете «Известия», возглавлявшейся зятем Хрущева, весьма могущественным в те времена политиком Алексеем Аджубеем. Работая в ведущем отделе газеты – «Советского строительства», Автор сделал лейтмотивом своих публикаций борьбу демократических и бюрократических начал в общественной жизни страны. См. его статьи «Конфликт в Быкове» (об острой схватке бюрократического клана во главе с председателем исполкома с общественными комиссиями – низовыми институтами гражданского общества, как сказали бы сегодня), «Надо ломать копыя!» (о работниках института народного контроля, жестоко преследуемых и травимых не желающей быть кому бы то ни было подконтрольной бюрократией Харьковской области), «Помогите найти хозяина!» (где советовалось авторам письма в редакцию: не ищите «хозяина» «на стороне», «наверху»; хозяева – это вы сами, и потому ведите себя соответственно) и др.

То есть Автор всерьез пытался следовать программе, намеченной в статье «Вступая в жизнь»: бить бюрократию, обращаясь к «низам», вдохновляя, поддерживая и защищая их, «по-мартиновски» отстаивать ценности партийной и общегражданской демократии, социального равенства и бескорыстия.

Но постепенно выяснялось, что, во-первых, «низам» недостает силы, сознательности, организованности. Получалось, что сплоченной – в масштабе района, области, республики – бюрократии противостоят герои-одиночки или малые группы честных людей, не имеющих перспектив объединиться с другими, подобными себе группами и превратиться тем самым в серьезную общественную силу, с которой бюрократия вынуждена была бы считаться. А во-вторых, надежды на то, что в партийных органах

будут появляться и множиться Мартыновы и что на верхних ступенях партийной лестницы будут расширять свое влияние искренние сторонники антисталинистской линии, рушились у Автора с впечатляющей быстротой. Становилось ясно, что даже лучшая партийная газета той поры, рупор Хрущева-Аджубея – «Известия» – не имеет шансов стать органом подлинной партийной демократии и народных низов, органом Овечкиных-Мартыновых. Руководители отдела «Советского строительства» (Юрий Феофанов, Константин Севриков), хорошие, талантливые газетчики и симпатичные по-человечески люди в духе курса, выработанного руководством газеты, внушали своему молодому коллеге: «Да, с бюрократами надо бороться, но не так, как это пытаешься делать ты. Надо бороться с конкретными, плохо работающими «бюрократами», а не с «бюрократией». Ты привозишь материалы из белорусского Пинска, украинского Тернополя, из подмосковного Раменского – и читатель, ознакомившись с твоей фронтальной и зубодробительной критикой местного начальства (в котором ты не видишь ни одного светлого пятна), неминуемо придет к выводу: там вообще нет советской власти. Нет, Гриша, так нельзя. Мы не можем позволить тебе порочить советский строй...».

И не только личный опыт деятельности Автора толкал его к уточнению и перепроверке его исходных позиций. Деятельность хрущевского руководства всё больше обнаруживала свою действительную, глубинную, противоречивую суть: попытки проведения *демократизации* (да к тому же и в очень узких масштабах) *административно-бюрократическими* методами. Отсюда – множась безобразия во всех сферах общественной жизни: «партийное руководство наукой» – и вновь полезли вверх авантюристы-лысенковцы; цековские «наказы» работникам философско-идеологического фронта – и вновь на Олимпе слегка подгримировавшиеся сталинские соколы, все эти Федосеевы-Константиновы; «управление искусством» – и чудовищная травля (на сталинско-ждановский манер) Дудинцева, Яшина, Гранина, Пастернака, молодых поэтов и художников, идиотские

эксперименты с кукурузой, повсеместное очковтирательство с «перевыполнением» планов (авантюры партийных лидеров Рязани, Тулы и др.), лизоблюдская и бездарная книга, славословящая «нашего дорогого Никиту Сергеевича», авторы которой (во главе с Аджубеем) получили, конечно же, ленинскую премию... И апофеоз – расстрел рабочей демонстрации (по сути, голодного бунта) в Новочеркасске.

Какие тут возможны мартиновы, через какую еще «партию» тут пытаться выправлять «деформации»? Кто их в этой «партии» вообще выправлять собирается?

В общем, Автору надо было основательно разобраться во всём этом. Для чего прежде всего надо было немедленно и как можно дальше бежать из этой «замечательной» газеты. В аспирантуру МГУ.

И начались три счастливых года фундаментального самообразования. Всё – с самого начала, с самых азов. Особое внимание – дотошнейшему изучению Маркса, Энгельса, Ленина, стенограмм съездов партии. Что и почему предлагали классики, что предсказывали, как действовали и что из всего этого получилось – вот вопросы, на которые начал искать ответы Автор.

Первые результаты подобного самообразования и подобных размышлений – в статьях для «Нового мира» Твардовского «Суд над судьями» и «Нравственность и революция».

Вообще в центре Авторских размышлений этого периода – вопрос: что все-таки сие есть, эти самые «бюрократические деформации» – болезненные явления на в принципе здоровом социалистическом теле, или они сами уже стали всем телом социума, а социалистические вкрапления – так, некоторые еще не до конца исчезнувшие реликты былых надежд и устремлений? То и дело возникает у Автора вопрос: а вообще-то «социализм» ли у нас получился? Развернутого ответа Автор пока не давал, но неуклонно шел к нему.

И двигался он тут вот по каким теоретическим ступеням.

Вначале – о «бюрократических деформациях».

Открытым текстом писать об этом, разумеется было невозможно – слишком бдителен был контроль со стороны цензуры, партийных органов и, конечно, госбезопасности. Поэтому писалось обо всём этом аналогиями, подтекстами, впрочем, для вдумчивого и тренированного читателя – довольно прозрачными.

Статья «Суд над судьями» – вроде бы о Германии, о том, как демократическим силам можно и нужно судить гитлеризм и преодолевать его наследие – политически, юридически, идейно и психологически. «Нравственность и революция» – о сущности и особенностях тоталитаризма (на примере маоистского Китая, хотя ясно было, что речь там идет о «китайцах», проживающих на территории от Ленинграда до Владивостока).

Конечно, Автор не отождествлял гитлеровскую тоталитарную систему и сталинский тоталитаризм. Он вполне отдавал себе отчет, что у них немало разнящегося (и в политической системе, и в идеологических концепциях). Но есть у них и существенно общее – тоталитарная форма организации общества и государства, господство бюрократии, культ вождя. И вот именно об этих элементах германской тоталитарной системы, роднящих ее с советским тоталитаризмом, и писал Автор, и потому его анализ германской реальности без труда воспринимался проницательными читателями как анализ их, отечественной, реальности. Тот же тип сопоставления использован и в статье о тоталитаризме с «китайским лицом».

Из теоретических новаций, появившихся у Автора в этот период, мы выделили бы три момента:

1. Более основательное проникновение в суть сложившейся при сталинщине бюрократической политической системы и, как следствие этого, более глубокие (и более резкие) ее оценки. Автор не ограничивается уже ее словесным осуждением и программами «устранения деформаций» через некие осуществляемые через партию (при поддержке народа) реформы. Он считает, что нужен масштабный, всенародный суд над этим, преступным, режимом,

над его вдохновителями и реализаторами – подобный Нюрнбергскому. Нужно, в ходе такого Исторического суда, всестороннее осмысление происшедшего со страной для выработки иммунитета на будущее.

2. Вторая, очень существенная новация. Автор пришел к выводу, что XX съезд (при всех его несомненных гуманистических заслугах) и хрущевское руководство (со всем его «оттепельным» позитивом) **в принципе не в состоянии по-настоящему осудить и преодолеть сталинизм, самые основы бюрократической системы.** Они способны осудить лишь некоторые *крайности* сталинской бюрократической системы. Политические же, социальные и идейные ее *основы* хрущевцы потрясти не в состоянии, ибо, в общем-то, они одной с ней крови. Система спокойно перенесла смерть своего прежнего вождя и, освободившись от некоторых, наиболее жестоких и кровавых крайностей, продолжала, уже при новом вожде, жить в привычном для себя режиме бюрократической диктатуры.

3. И третий момент: таким наиболее эффективным (высшим!) судом над тоталитарно-бюрократической системой может быть, согласно новым установкам Автора, революция – народная и демократическая. Правда, представление о формах революции, о ее движущих силах Автором пока не конкретизируются. Скорее всего потому, что до нее еще довольно далеко. Она пока – не вопрос сегодняшней повестки дня, а задача и неизбежность будущего. Подойдет время – тогда и будем прояснять все связанные с ней вопросы, так это выглядит у Автора. Но с надеждой на высокостоящих «хрущевых», на райкомовских праведников, вроде овечкинского Мартынова, на возможность реформирования социально-политической системы «через партию» – с этой надеждой покончено раз и навсегда. Только, по убеждению Автора, широкое, «низовое», народное движение, только глубокие, коренные преобразования (= синоним Революции!) способны положить конец господству бюрократической системы. Это был важный и принципиальный шаг в интеллектуально-политической эволюции Автора, сделанный им в первой половине 60-х годов.

Эти новые подходы, новые идеи были развиты, углублены и основательно отрефлексированы Автором в книге «От Чернышевского к Плеханову».

Книга «От Чернышевского к Плеханову» носила подзаголовок: «Об особенностях развития социалистической мысли в России». Вышла в свет в начале 1969 года. А писалась она в 1963-1966 гг., то есть и *до* Октябрьского (1964 года) Пленума ЦК, сместившего Хрущева (так что нелицеприятные оценки хрущевского периода даются там не постфактум, не вдогонку уходящему «вождю», а в период его всевластия), и *после* Октябрьского Пленума (поднявшего к власти гениально олицетворявшего помпезную и серую партийно-советскую бюрократию 60-х годов Брежнева), но, что особенно важно заметить, *до* Пражской весны 1968 года, напроць замороженной советскими танками (отзвуки на это рубежное событие, его оценки в книге, естественно, отсутствуют; они последуют чуть позже и станут истоком новых шагов, новых витков в интеллектуальной эволюции Автора).

В книге «От Чернышевского к Плеханову» закрепляются, развернуто аргументируются и доводятся до некоего логического завершения те новые подходы, которые наметились в «новомировских» статьях Автора. Центральное место займут здесь вопросы о **специфике, особенностях теории русского социализма** (в его сопоставлении с западноевропейскими социалистическими концепциями, в том числе и в особенности – с концепцией Маркса), а также **постановка вопроса о принципиально новой антагонистической формации, возникшей в СССР под ложным именем «социализма»** и получившей распространение в странах так называемого социалистического лагеря.

Разговор о «новой формации» начинается с того, что снимается прежний тезис о неких «деформациях», присущих принципиально здоровому-де социалистическому «телу». Ни о каком принципиальном «здоровье» здесь уже речь не идет. Здесь – абсолютное неприятие системы эпохи сталинизма. Правда,

развернутой характеристики социально-политической сущности этой системы (составляющей ядро «новой формации») здесь еще нет. Нет здесь и того, что требует классический научный анализ (продемонстрированный, например, Марксом и Энгельсом в их знаменитом «Манифесте» при анализе буржуазной формации), а именно – выяснение тех *задач* развития, которые объективно стоят перед обществом и которые вынуждена была решать эта система. Не прописаны в деталях и подробностях *причины* возникновения подобной формации, не названы те социальные силы, которые стимулировали ее становление и на которые она опирается.

И всё же в книге отчетливо поставлен вопрос о «новой формации» и очерчены некоторые принципиальные подходы к ее познанию. Уже даваемые ей Автором эпитеты – столь жесткие и резкие, что читателю становится понятно, что это – не какие-то там «деформации» (которые можно было бы «выправить»), а завершенная и отлаженная – от экономического фундамента до политических и идеологических надстроек – система, антигуманная и бесчеловечная, с которой никакое сосуществование, никакие компромиссы для порядочных (скажем так) людей невозможны.

А неполнота, «неразвернутость» описания этой «новой формации» в книге связаны не только с необходимостью пересмотра ряда важных положений марксистской теории (задача, требующая особой взвешенности и осторожности), не только с необходимостью изучения и оценки громадного количества фактов социальной, экономической и политической истории Советского государства, но не в последнюю очередь – с невозможностью открытого и прямого разговора об этой проблеме в «партийной советской печати». Автору приходилось крутиться и изворачиваться в поисках форм беседы с читателем.

Поэтому снова, как и в «новомировских» статьях (о, проклятое существование с кляпом во рту!), – аналогии, подтексты, эзопов язык. Только в отличие от статей здесь Автору «на помощь» приходят аналогии другого типа – из российской истории. И снова

он прибегает к своему излюбленному приему: он не искажает, не деформирует историю (в стремлении сблизить ее с современными ситуациями и проблемами), а просто отбирает из действительно существовавших в истории фактов и коллизий те, которые по содержанию, по своим параметрам близки к современной Автору ситуации.

Так, суть сталинской эпохи и тяжелейшая ситуация, в которой оказались тогда люди, не желавшие мириться с деспотизмом и политическим варварством, ясно просматривается через описание Автором эпохи... Николая I. Лексика, используемая Автором в ходе этого описания, исторические факты и высказывания деятелей прошлого подбираются таким образом, что в них нет ничего специфического, ничего характерного *только* для николаевского периода XIX века, а лишь то, что сближает этот период со сталинщиной (кстати, и «сближение» это не придумывается Автором, определенная ситуативная общность этих двух эпох несомненна).

Чтобы зримо, воочию представить, как это всё практически делалось, как, опираясь на историю, Автор вводил читателя внутрь *современных* проблем, пробегите, пожалуйста, соответствующий кусочек из книги Автора:

«Период, связанный с именем Николая I («Сталина!» – читала пронизательная, сочувствующая взглядам Автора публика), – один из самых мрачных в истории России. ... Моровая полоса, идущая от 1825 до 1855 г. – так охарактеризовал его Герцен. «Вглядываясь в темно-серый фон, видны солдаты под палками, крепостные под розгами, подавленный стон, выразившийся в лицах, кибитки, несущиеся в Сибирь, колодники, плетущиеся туда, бритые лбы, клейменные лица, каски, эполеты, султаны... словом, петербургская Россия». Человеческое уступило место животному. Беззаконие стало законом. Дикая физическая расправа стала будничной работой николаевских палачей. «Имея в руках дикую власть, они не имеют даже того звериного сознания силы, которое удерживает большую собаку от нападения на маленькую».

Николаевские (= *ежовско-бериевские*) собаки кусали от злобы, кусали от трусости, кусали потому, что их за это хорошо кормили; кусали на голодное и сытое брюхо, кусали, едва успевая сплевывать кровь со своих клыков». (Читатель-друг, конечно же, понимал, о «собаках» какой эпохи, главным образом, идет здесь речь. Ведь в характеристиках этих «собак» нет ничего специфически *николаевского*, а лишь то, что вполне применимо и к «сталинским собакам». И даже более к сталинским, чем к николаевским. «Кровь, льющаяся с клыков» – образ, мало применимый к полицейщине николаевских времен. Да, и тогда полиция Бенкедорфа-Дубельта была отвратительна, и тогда были репрессии и подлые преследования лучших людей России – одни гонения на Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Белинского, Достоевского, Тургенева чего стоят! – но «рекой льющаяся кровь» – это, понятно, не николаевская, это – сталинская Россия. Но продолжим цитату.) «Да, это действительно была моровая полоса, время сибирских рудников и белых ремней. Но оно (и, может быть, самое страшное!) убивало, как писал Герцен, не одними рудниками и белыми ремнями, а своей удушающей, понижающей атмосферой. Николаевское время было, по выражению Герцена, временем нравственного душегубства.

И, наконец, еще более страшное, еще более тягостное заключалось в том, что сколько-нибудь открытая борьба против этого произвола, против этого деспотизма была невозможна. Человек может быть счастлив в самой подлой, самой угнетенной стране, если в руках у него винтовка, если у него не отнята возможность (пусть даже в суде, пусть даже в последней перед казнью речи) обратиться к людям, к народу, через головы правителей. Но если крепко стиснуты руки, если перехвачен полотенцем рот? Если «земли нет под ногами», если «хотят кричать – языка нет... да нет и уха, которое бы слышало»? И лучшие люди становились «лишними» людьми»¹⁶.

Но Автор не был бы учеником своих Учителей, если бы

¹⁶ От Чернышевского к Плеханову Об особенностях развития социалистической мысли в России. – М.: Изд-во МГУ. 1969. С. 15–16.

остановился на этой, хотя и реалистической, но крайне пессимистической ноте, на этой констатации невозможности *открытой* борьбы. Он ищет способы сопротивления этому чудовищному режиму, пусть и не слишком «открытые». Но он обязательно должен ответить на вопрос «Что делать?» – что всё-таки можно было *делать* тогда, в годы сталинского лихолетья (а может, и в недалеком будущем, если сталинизм вдруг возродится в тех или других формах, что вовсе не было невозможностью в эпоху брежневщины): «Мы с грустью останавливаемся перед могилами людей, истомившихся в нравственной душегубке по свободной деятельности. Но мы останавливаемся не только с грустью, но, как и просили эти люди – «с мыслью»; с мыслью о том, что их жизни, их поиск истины не пропали даром для следующих поколений. Они с честью выполнили (кто сознавая, а кто и не сознавая) задачу, возложенную на них историей. Они были теми капиллярами, по которым кровь декабристов перелилась в тело разночинцев, героев «Народной воли»¹⁷. Не сдаваться! – провозглашает Автор. – Постараться выполнить эту роль «капилляров», по которым будет перетекать «кровь» свободолюбивых людей от поколения к поколению! И вывод – всё-таки и в условиях сталинщины (а тем более николаевщины) можно найти достойное поле деятельности: «Период, в который они жили, словно специально был предназначен для теоретических размышлений, для философских раздумий; такой период, лишая возможности действовать, концентрирует все уцелевшие силы на анализе происшедшего и происходящего. Это – период теории, когда подготавливается завтрашнее действие»¹⁸. И дальше: «Юноша, пришедший в себя и успевший оглядеться после школы, находился в тогдашней России в положении путника, просыпающегося в степи: ступай куда хочешь, – есть следы, есть кости погибнувших, есть дикие звери и пустота во все стороны, грозящая тупой опасностью, в которой погибнуть легко, а бороться невозможно. Единственная вещь, которую можно было продолжать честно и с любовью, – это

¹⁷ Цит. соч. С. 18.

¹⁸ Там же.

ученье». Лучшие люди уходят в философию, историю, политическую экономию; запираются в кабинетах, среди книг и лишь близких друзей. Кротоми зарываются они в землю и принимаются за работу. На поверхности ни движения, ни ветерка. Но крот делает свое дело. И он хорошо роет, этот крот...»¹⁹.

И со временем начнут – обязательно начнут! – проступать контуры новых возможностей борьбы. Но важно – быть готовым к ним! «Меж тем время залечивало раны, поднималось к жизни новое поколение революционных бойцов. «Новая жизнь прозябала, как трава, пытающаяся расти на губах непростывшего кратера». «В самой пасти чудовища выделяются дети, не похожие на других детей; они растут, развиваются начинают жить совсем другой жизнью. Слабые, ничтожные, ничем не поддержанные, напротив, всеми гонимые, они легко могут погибнуть без малейшего следа...». Но «мало-помалу из них составляют группы. Более родное собирается около своих средоточий». «Главная черта всех их – глубокое чувство отчуждения от официальной России, от среды, их окружающей, и с тем вместе стремление выйти из нее – а у некоторых порывистое желание вывести и ее самое». «Этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя». К числу этих «детей» и принадлежал Чернышевский»²⁰.

И вот – переход ко времени правления Александра II. «Оттепель» середины 50-х годов XIX века? Сходство с ситуацией середины 50-х годов XX века несомненно. Это позволяет Автору, характеризуя эпоху Александра, метить в эпоху Хрущева. И тут – новые, несравненно, чем прежде, жесткие оценки времен хрущевского правления. Нет, Автор по-прежнему – не без определенной симпатии к Хрущеву. Но тут он берет главную сторону дела: всё же хрущевское время было временем тоже бюрократического господства. Да, без кровавых крайностей, без массовых репрессий, характерных для сталинизма. Но в основе своей это – бюрократическое, недемократическое, ненародное правление. Иллюзии псевдодемократической «оттепели» должны быть изжиты

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

окончательно! Отсюда – и те жесткие характеристики (писавшиеся, подчеркну еще раз, в годы, когда Хрущев еще был у власти, когда он был всемогущ, и лизоблюды слагали утешающие его слух песнопения).

«Время Александра II (Хрущева! – безошибочно разгадывали Авторский кроссворд читатели-друзья) ничем существенным от николаевского (*сталинского*) времени не отличалось. Разве изменилось положение утесняемых классов, разве изменились формы хозяйствования, разве изменился государственный бюрократический аппарат? Нет, по-прежнему драли три шкуры с крестьян и работников, по-прежнему крепостной и полукрепостной труд давал низкую производительность и по-прежнему утесняемых гнали от парадных подъездов государственных учреждений.

Правда, было одно обстоятельство, которое прикрывало от невнимательных глаз прямую преемственность этих двух эпох. Это обстоятельство заключалось во всеобщем либеральном водолействе, начало которому положил сам Александр (= *Хрущев*) и которое стало прямой обязанностью его вельмож и сановников – от мала до велика. Стало модно осуждать (намеками и полунамеками) николаевское время. Журнальные канарейки (*всего Советского Союза!*) щелкали языками во славу нового «свободолюбивого» императора, во славу «нового времени» и отпускали сердитые трели по адресу времени старого.

А уж как воспевались мужество и смелость Александра и его администрации, которые (*на XX съезде*) будто бы смогли взглянуть правде в глаза, которые осудили-де прошлое и готовят какие-то там реформы. «Заря свободы восходит над Россией», – писали вчерашние Булгарины и Гречи (которых не поймешь, кто они – полицейские или журналисты). Да что Булгарин! Хорошие, честные, порядочные люди клюнули на это и поспешили встать в ряды Александра. Сам Герцен попался на удочку! (И Герцена, по-человечески, можно понять: ну как же, теперь хоть можно говорить вслух кое-что из того, что ты думаешь, можно хоть что-то писать, хоть что-то обсуждать с друзьями, не боясь, что завтра тебя

отправят куда-нибудь в Вятскую губернию.)

Но, между прочим, мутная волна либерализма, пущенная Александром, пущена была вовсе не по его доброте или смелости, можно даже сказать, и не по его доброй воле. Александром и его приближенными руководил животный страх перед пропастью, куда неслась страна. Россия приближалась к экономическому краху, и Крымская война ясно показала это. (*Действительные причины «смелости» XX съезда!*).

По-старому, по-николаевски (*по-сталински*) управлять было просто нельзя, невозможно. Это значило бы для дома Романовых и его окружения (*партийной бюрократии*) подписать свой смертный приговор. А как управлять по-новому? И что вообще значит это «по-новому»?

Как управлять по-новому, чтобы сохранить все старые привилегии – вот какая задача стояла перед правящим домом. (*Задача, вставшая перед партбюрократами послесталинской эпохи!*). Ясно, что это была не простая задача, ибо старые привилегии были неразрывно связаны со старыми формами.

Поэтому, чтобы выиграть время и поразмыслить над ее решением, царское правительство дало понять, что оно готовит реформы; со сцены были убраны некоторые наиболее одиозные политические фигуры, чуть-чуть отпустили вожжи, чуть-чуть ослабили цензуру, создав видимость некоторой свободы слова, и, не тронув существа, навели некоторый либеральный лоск на правительственные учреждения (= *хрущевские «реформы»!*). Дальше политической спекуляции дело, разумеется, не пошло.

Чиновник быстро и хорошо усвоил «новый стиль» работы. Раньше он, говоря словами Щедрина, два каменных дома ложью нажил, а теперь пошел спрос на «правду», и он еще два каменных дома уже «правдой» нажил. Правдой ли, ложью ли – чиновнику все равно, лишь бы каменные дома наживать. Такой чиновник ясно и отчетливо видел – чуть-чуть изменились формы, но суть осталась та же самая; одну и ту же суть он совершенно реально видел в своих совершенно одинаковых домах, которые-то и были

подлинную сутью. А либеральные писатели, не обращая внимания на одинаковость приобретенных чиновником каменных домов, этот символ одинаковости двух эпох, разглядывали «формы» и ликовали по поводу их «неодинаковости»²¹. И повторное, жесткое резюме: «Ничем **существенным** время Александра от времени Николая не отличается»²². И потому, поняв это, и при Александре (как и при Хрущеве) не следует рассчитывать на разные там «революции сверху». Только – «снизу», и только на подготовку массового народного движения (в близком или не очень близком будущем) есть смысл тратить свои силы. Тем более что время относительной «оттепели» всё-таки более благоприятно для подобной деятельности, чем время трескучих «морозов». И Автор видит в качестве образца деятельности прогрессивных людей в подобные эпохи – деятельность Чернышевского, который, ясно осознавая «сходство двух эпох», не упускал из виду и «некоторое различие» между ними «в формах управления». «И это различие можно и нужно было использовать в политической борьбе. Но, чтобы умело использовать, надо было правильно оценить его (избежать как недооценки, так и переоценки). И Чернышевский оценил: незначительные изменения, связанные с ослаблением цензуры, и вынужденное некоторое раскрепощение общественной жизни были для Чернышевского не объектом восхищения, не желанной достигнутой целью (как воспринимали их либералы), а взятыми с боя средствами будущей революционной борьбы. Изменившиеся условия для него – это лишь более выгодные условия борьбы, а не условия лучшей жизни. И этими условиями Чернышевский не преминул воспользоваться»²³.

О чем это здесь? Почему с такой взволнованностью, с такой повышенной эмоциональностью говорит Автор о событиях столетней давности? Да потому, что слова эти, призывы, лозунги эти, извлеченные из глубин истории, целиком обращены в современную Автору реальность. Любопытно, что одна из рецензий на эту книгу Автора была озаглавлена: «Далекие

²¹ Цит. соч. С. 25–26.

²² Цит. соч. С. 27.

²³ Цит. соч. С. 27–28.

аналогии»; и было несколько неясно, чего хочет рецензент – то ли помочь не слишком догадливому читателю «правильно» понимать указанную книгу, то ли «помочь» товарищам из «органов» – приструнить «щелкопера». А «далекие аналогии» между тем продолжали работать. Автор с вызывающей откровенностью зовет современников брать пример с «шестидесятников» XIX века, которые отнюдь не об исправлении «деформаций» думали: ««Современник» и Чернышевский учили и воспитывали новое поколение революционных бойцов, будущих героев 60-х и 70-х годов. Между читателями и «Современником» установился тот живой, духовный контакт, когда люди понимают друг друга с полуслова, с полунамека. Образно говоря, читатели журнала чувствовали себя членами революционного союза (пусть организационно неоформленного), центральным комитетом которого был «Современник», а вождем – Чернышевский. Среди них бытовало даже такое название – партия «Современник». Создание такой «партии», с силой которой не могла не считаться реакция и которую ввиду ее «оригинальности» невозможно было разогнать, создание такой партии – бессмертная заслуга Чернышевского и его ближайших сподвижников. Ибо, повторяю, журнал был не просто «любимым» или «популярным» у революционной молодежи, он был не просто «учителем и другом», а он был именно руководителем и организатором лучших революционных сил общества. И если уж продолжать не весьма преувеличенное сравнение журнала с «центральным комитетом», он был именно руководящим центром революционных сил страны, центром, который вырабатывал программу действия и разрабатывал способы ее осуществления. Да, «Современник» представляет собой уникальное явление в истории русской журналистики; в истории развития революционной мысли в России. Ни до, ни после не было такого легального (!) журнала, который был бы не просто органом оппозиционных сил, но крайней левой в революционном движении, главным штабом революционных сил»²⁴. Автор мечтал именно о таком журнале. И

²⁴ Цит. соч. С. 28–29.

будучи вхож в тогдашний оппозиционный «Новый мир» (правда, по молодости лет – на правах не слишком влиятельного представителя, так сказать, «сержантского», а отнюдь не «офицерского» и тем более не «командного» состава), Автор зачитывал эти страницы Владимиру Лакшину и некоторым другим членам редколлегии, – не встречая, впрочем, слишком горячего сочувствия (умудренные литераторы считали чересчур утопичными и наивными – для советских условий конца 60-х годов – эти горячие речи и радикальные планы). Собеседники Автора считали, что нет ни объективных предпосылок, ни возможностей для такой деятельности. Автор не соглашался и полагал, что просто «не находилось людей, которые использовали бы (существующие) «объективные предпосылки» и реализовали бы «возможности». А вот «пятидесятые годы (XIX века), – обращает он внимание современников к опыту истории, – таких людей дали. Ими в первую очередь были Чернышевский и Добролюбов. Что же сделали эти люди, и прежде всего – Чернышевский, чтобы реализовать благоприятные возможности, какой знали они секрет «превращения журнала (при данных обстоятельствах) в «главный штаб» и «центральный комитет»?»²⁵.

«Секрет этот, – разъясняет Автор, – заключался не в чем ином, как в выработке научно и всесторонне обоснованной программы. «Современник» сделал глубокий анализ экономического быта России, дал всестороннюю оценку политического момента: и исходя из него выработал программу действий, наметил пути борьбы и ее конечные цели.

Такую программу не может заменить никакая (даже блестящая!) критика частных эксплуататорского строя, никакое (даже самое пылкое!) отрицание существующих общественных отношений, основанное на абстрактно-гуманистических идеалах и разлюбезном «здравом смысле» (мы уж не говорим о мелком обличительстве и булавочных уколах)». (Это были скрытые упреки горячо любимому Автором, но недостаточно, по его мнению, радикальному «Новому

²⁵ Там же.

миру»; сейчас неважно, прав или не очень прав был Автор в этой своей критике, главное, что сегодня важно для понимания его эволюции, – это то, что он выдвигает задачу перехода от поверхностной критики системы, не затрагивающей ее фундамента, к разработке *основательной теории*).

Вообще программа, состоящая только из негативного материала, только из отрицания существующей действительности, такая программа для создания революционной партии не годится. История показала, что негативная программа не может сплотить на продолжительное время даже небольшие группы людей. Серьезный революционер должен иметь положительную (созидательную) цель, должен иметь экономическую и политическую программу...

Установить, что самодержавный строй плох, что плоха система организации труда в обществе, что плохи государственные чиновники, не трудно. Для этого надо быть просто честным, просто наблюдательным человеком, не прятать голову под подушку и жить так, чтобы толстый кусок колбасы не закрывал весь мир.

Для того чтобы прийти к мысли, что этот мир надо изменить – надо иметь еще несколько важных качеств: обостренное чувство справедливости и недюжинную смелость.

Но, чтобы установить, как его изменить и что строить взамен разрушенного – для этого нужны не просто честность и смелость, не просто «здравый смысл», для этого надо серьезно изучить историю, философию, политическую экономию, для этого надо уметь не засыпать над экономическими таблицами; в общем, нелегкая это должность – быть инженером истории»²⁶.

Все эти пассажи ясно свидетельствуют, что Автор твердо закрепляется на новом теоретическом рубеже: в стране сложилась общественная формация несоциалистического типа, преодолеть которую можно только путем народно-революционных действий. Но чтобы эти действия не были авантюрой, нужна программа борьбы, и важнейшей частью этой программы должно быть

²⁶ Цит. соч. С. 30–31.

осмысление сущности этой новой, не предусмотренной прежними теориями, *формации*. И вот какие подходы к осмыслению этой новой формации намечены в рассматриваемой нами книге.

Новая формация.

Знали пять формаций – по Марксу: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и предстоящая – коммунистическая (с социализмом – на первом этапе). Всё! Ничего другого быть не могло! Все социальные системы всех стран мира должны укладываться в эту схему (ну, с некоторыми незначительными вариациями, конечно). Это была неприкасаемая часть официальной марксистской идеологии.

Правда, железобетонность этого теоретического фундамента немного расшатывалась дискуссиями об «азиатском способе производства» – шестой? Или какой-то особой, «побочной» (неосновной) формации? Впрочем, решались на все эти «смелости», тоже прикрываясь соответствующими высказываниями Маркса (не вполне, однако, ясными – отсюда и «дискуссии»). А также – утверждениями о том, что (тоже опираясь на некоторые мысли немецкого классика) можно говорить не о пяти, а о трех формациях (что-де рабовладение, феодализм и капитализм – это не отдельные формации, а три стадии одной формации).

И вот в этот круг «расчисленных светил» вводится Автором некая «незаконная комета» – новая, современная формация, не укладывающаяся в неприкасаемую марксистскую формационную «пятичленку». Формация, сложившаяся в Советском Союзе: не капитализм и не социализм. Тогда – какая же, в чем ее суть?

В книге «От Чернышевского к Плеханову» – первые подходы Автора к описанию этой формации (подходы, которые в дальнейшем будут расширяться, углубляться и уточняться). Итак, какой же предстает она в этой книге? Понятно, как я уже не раз объяснял, прямо, «в лоб», «открытым текстом» она не могла быть представлена; опять-таки только – в форме эзоповой, но достаточно прозрачной. Ее содержание раскрывается в виде ряда

социально-политических конструкций, рождавшихся в русских социалистических кругах второй половины XIX века, по большей части – народнических.

В центре анализа – модель социализма, разработанная видным теоретиком и практиком народничества 70-х годов XIX века Петром Ткачевым. Вот эта, ткачевская, модель, по мнению Автора, очень близка к той «модели», что была воплощена в жизнь сталинским руководством в 30–40-е годы XX века. И потому анализ «социализма» Ткачева дает Автору возможность высказать многое из того, что он думает о сталинском «социализме» – о его сущности и причинах возникновения.

Ткачевисты в XIX веке, как и сталинисты – в XX, провозглашали: мы уничтожим частную собственность, вместо неё введем общественную. Это и будет фундаментом (базисом) социализма, где всё будет принадлежать не кучке богатеев-эксплуататоров, а всем и каждому (по Маяковскому: «улица – моя, дома – мои»). Отмечалось также, что общественная собственность приведет к упразднению наемничества («наемного рабства»), и работник превратится из «наемного рабочего» во владельца средств производства, в «хозяина», работающего не на «господина», а «на себя».

Автор не принимает на веру эти красивые предсказания. Он анализирует – что реально стоит за этими красивыми картинками ткачевских планов (и сталинских реалий). А стоит за ними – реальность, прямо противоположная той, что так торжественно провозглашалась ткачевцами (и так последовательно выстраивалась сталинцами): работник становится владельцем собственности лишь на словах, на бумаге, а в действительности ее реальным владельцем и распорядителем становится чиновничество, бюрократия. И никакого превращения работника в хозяина, работающего «на себя», не происходит. Трудящийся остается бесправным работником, рабочей силой которого безраздельно распоряжается всевластное бюрократическое сословие. «Что такое общественная собственность? – ведет Автор

диалог с ткачевцами. – Это собственность, принадлежащая всему населению страны. А это, в свою очередь, что значит? – А то, что все взрослые граждане участвуют в управлении этой собственностью и в распределении доходов, получаемых от нее. А что нужно для этого? А для этого нужна демократическая организация всего народа. А у вас, господа ткачевисты? Кто управляет собственностью? Пришедшее к власти «цивилизованное» меньшинство. Так? А кто распределяет доход? Конечно же, пришедшее к власти «цивилизованное» меньшинство. **Таким образом, получается, что фактически собственность принадлежит вашему, ткачевцы, меньшинству, а народ – ваш работник»²⁷.**

Вот это и есть основа, «базис» новой – псевдосоциалистической – формации...

Но оставим литературные аналогии, ныне все и без того прекрасно знают, что там, где большинство народа не имеет влияния на власть, там все разговоры о благе народа, о заботе о народе – пустая идеологическая болтовня. И марксизм, подлинный марксизм, говоря о социализме, никогда не разъединял даже в понятии власть и народ.

Не «власть и народ», а народная власть. Не власть, благодетельствующая народ, а властвующий (правлящий) народ (пролетариат) – вот лозунги марксизма. Марксизм – за твердую власть после революции, за сохранение государства, но такого государства, которое по существу есть уже не государство. В этом соль!

Что же это за «государство – негосударство»?

Как и всякое государство, оно – тоже орудие насилия, но насилия большинства над меньшинством, пролетарского, пришедшего к власти большинства над эксплуататорским меньшинством. А «насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплуататоров, буржуазии, оно неосуществимо без

²⁷ Цит. соч. С. 143–144.

демократической организации войска и «тыла».

В этом вся суть марксизма в данном вопросе.

Демократическая организация народа – вот основа «государства – негосударства». Без нее государство может быть только орудием в руках тщеславного меньшинства, какие бы народолюбивые слова не вылетали из правительственных канцелярий. К этой мысли часто возвращался Ленин. «Гражданская война, – писал он, – насильственно экспроприрует, сразу и прежде всего, банки, фабрики, железные дороги, крупные сельскохозяйственные имения и т. д. Но именно для того, чтобы экспроприровать все это (то есть действительно, а не на бумаге, не на словах передать во владение народу. – Г. В.), надо ввести и выбор всех чиновников народом и выбор офицеров народом и полное слияние армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения, и полную демократию в деле распоряжения съестными припасами, производства и распределения их и т. д. Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление ее войска. Но эта цель недостижима ни с чисто военной, ни с экономической, ни с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе "такой войны, введения и распространения демократии среди *нашего* войска и нашего «тыла».

И дальше: «мы в своей гражданской войне против буржуазии» будем соединять и сливать народы не силой рубля, не силой дубья, не насилием, а *добровольным* согласием, *солидарностью* трудящихся против эксплуататоров».

«Без *демократической* организации отношения между нациями на деле, ... гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии *невозможна*» (т. е. невозможна в результате такой войны победа действительного социализма. – Г.В.) и в заключении: «Иного пути нет. Иной «выход» не есть выход» (т. е. иной социализм не есть социализм).

Таким «иным ВЫХОДОМ», который «не есть выход», таким социализмом, который не есть социализм, и была как раз

программа русских якобинцев. **«Казарменным коммунизмом»** окрестили его Маркс и Энгельс.

Вот это и есть итоговая оценка, данная Автором сталинскому «социализму»: сталинский «социализм» – **«не есть социализм»**. Сталинизм есть особая форма социального устройства, которое Автор называет пока, прибегая скорее к образной, нежели к строго научной характеристике Маркса, – **казарменным коммунизмом** (где, как понятно, акцент делается на **казарменности** возникшего социального строя).

Здесь, когда Автор делал устный доклад на научном семинаре, ему были заданы вопросы (Славиным, Бузгалиным, Мироновым): «А всё-таки – каков механизм функционирования того социального устройства, которое вы называете «новой формацией», в ее сопоставлении с буржуазной формацией, с одной стороны, и с социалистической (коммунистической) формацией – с другой? Как концепция «новой формации» сопрягается с марксовской формационной схемой? Какие общественные классы составляют ее социальную структуру, в чем содержание их противостояния и каковы пути его преодоления?»

Мы обязательно коснемся этих, действительно важных, вопросов, но чуть позже. Ибо избранная в данной работе логика рассказа о последовательной и постепенной эволюции социалиста-шестидесятника не позволяет это сделать сейчас, так как в книге «От Чернышевского к Плеханову» есть лишь некоторые намеки на ответы, но настоящих, развернутых ответов еще нет. Они у Автора – впереди. И мы не будем отступать от однажды выбранной нами логики изложения, не будем отступать от принципа – анализировать только напечатанные тексты.

Итак, главное, что зафиксировано книгой «От Чернышевского к Плеханову»: В СССР – не «социализм с деформациями», а – «несоциализм», особое социальное устройство несоциалистического (и некапиталистического) типа, в котором экономическая и политическая власть, собственность на средства производства принадлежат сословию государственных чиновников,

бюрократии, а народ – их наемный (и, добавим, бесправный, не имеющий серьезного влияния на социальную и политическую жизнь) работник. И вырастает эта система из особенностей русского социального развития, при катализирующем воздействии на него родившихся на почве Запада социалистических идей, вырастает из стремления построить на российской – не подготовленной для социализма – почве *социалистический идеал* (обрисованный, повторяю, *западными* мыслителями).

70-Е ГОДЫ: «ДИАЛЕКТИКА И РЕВОЛЮЦИЯ»

Конечно, логично было бы далее Автору в своих писаниях попытаться ответить на те – примерно – вопросы, что поставили участники вышеупомянутого семинара. Но, увы, ход жизни отличается от логики семинарских обсуждений.

В начале и середине 70-х годов проблема «социализма» в СССР повернулась вот какой новой гранью, на что следовало, по мнению Автора, реагировать немедленно.

Август 1968 года. Прага. Советские танки на улицах чехословацкой столицы.

Попытка чехословацких коммунистов и чехословацкого общества построить «нормальный» социализм – социализм гуманный («с человеческим лицом») была бандитски подавлена советским бюрократическим режимом.

Стала очевидной – по крайней мере для Автора – одна вещь: «несоциализм» в СССР сложился, употребляя модную тогда лексику, «полностью и окончательно»; он отстоялся и экономически, и социально, и идеологически; его «преобразовать», «реформировать» изнутри – «через партию», «через Советы» – **совершенно невозможно.**

Ну, и как быть? Что делать? Как противостоять ему? Кто и как может его преодолеть? И что (и каким образом) должно прийти ему на смену?

Вот группа вопросов, которые стимулировали написание Автором работы «Диалектика и революция» (1975 г.). Книга эта

писалась в 1970-1974 годах. Здесь – новая концепция социальной (социалистической) революции.

Составные части новизны:

1. Если прежде в марксистской теории социальная (социалистическая) революция рассматривалась как форма борьбы с *капитализмом*, как способ его преодоления, т.е. как *антикапиталистический, антибуржуазный* феномен, то теперь, во второй половине XX века, Автор ставит вопрос о революции как форме борьбы не только с современным капитализмом, но (и это особенно важная новация) одновременно – и с тем «несоциалистическим», бюрократическим социальным строем, что сложился под именем «реального социализма» в СССР.

2. Анализируя революционно-преобразовательные возможности в *странах развитого капитализма*, Автор фиксирует социально-политические изменения, произошедшие в этих странах во второй половине XX века, и выясняет то влияние, которое эти изменения оказывают (должны оказывать) на характер современной революционной борьбы (здесь, в дополнение к книге, см. его статью «Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма» в «Вопросах философии», № 1 за 1972 г.). Особенное внимание при этом он обращает на следующие моменты:

а) Изменение, усложнение – под влиянием научно-технической революции (НТР), «революции управляющих», процесса превращения науки в «непосредственно производительную силу» – структуры и форм собственности, составляющих экономический базис западного общества, а также изменение его социально-классовой структуры и характера, эволюции сути возникающих в этом обществе социальных конфликтов.

б) Формирование нового субъекта революционной борьбы – «*совокупного* наемного работника» (включающего в себя не только отряды традиционных пролетариев («синих воротничков»), но и – во всё большем объеме – новые слои трудящихся – со специальным средним, а то и высшим образованием, специалистов и значительные группы инженерно-технических работников, так

называемые белые воротнички, с новыми потребностями и интересами, новыми мотивами социальной борьбы, что порождает новые, неизвестные ранее, формы социально-классовой борьбы.

3. Но наиболее существенна та часть Авторской концепции, в которой ставится вопрос о необходимости разработки теории революционно-преобразовательной деятельности в странах «бюрократического социализма», вопрос о содержании, возможностях и перспективах народных антибюрократических революций. И хотя подробного, развернутого раскрытия этих вопросов в данной книге нет – и по причинам, как понятно, цензурного характера, да и потому, что разговор на эти темы требовал проработки и обобщения громадного исторического и статистического материала (в большинстве своем скрываемого правящей бюрократией от глаз объективных, не прикормленных властью, ученых), – тем не менее задача теоретического поиска была сформулирована ясно и четко: определить возможные формы борьбы с бюрократическим режимом. Были намечены и общее содержание, и общая направленность такой борьбы:

- не «через партию», а через *народное движение* снизу, через «самодеятельность народных масс»;
- через введение и широкое использование демократических институтов;
- через ликвидацию тоталитарного политического режима и однопартийной системы;
- через превращение формально общественной (а на деле – корпоративно-бюрократической) собственности в реально общественную (путем демократизации политической и экономической жизни);
- через создание правового государства, сменяющего систему бюрократического всевластия и чиновничьего произвола.

4. Но, пожалуй, самая главная и самая существенная теоретическая новация состояла в том, что эти революционные потоки (против монополистического капитализма и

бюрократического «социализма») рассматривались Автором не порознь, а как тесно взаимосвязанные стороны *единого* мирового революционного процесса.

И шире – Автор пишет о *трех* потоках мирового революционного процесса. Здесь – внимание: не отождествить концепцию Автора с концепцией Сулова–Пономарева, лежавшей в основе позиции КПСС, где тоже говорилось о «трех потоках мирового революционного процесса». Но там шла речь совсем о других «потоках». Согласно этой, официально-партийной, концепции, таковыми «потоками» считались: 1) «Социалистический лагерь» как лидер «мировой социалистической революции и антиимпериалистической борьбы»; 2) «коммунистическое движение в странах развитого капитализма» (вернее, та часть комдвижения, которая безоговорочно следовала в фарватере советской политики); 3) «национально-освободительное движение» (в той его части, которая ориентировалась на позицию советской бюрократии).

У Автора – принципиально иное содержание трех потоков мирового революционного движения. Это: 1) широкое демократическое, антисистемное движение в странах развитого капитализма, в котором участвуют компартии несталинистской, недогматической ориентации, новые социальные движения («зеленые», низовые движения гражданского общества – потребителей, жильцов, правозащитников и т.п.), демократическо-социалистические и левые социал-демократические силы; 2) демократическо-социалистические, гуманистические, вообще – низовые демократические силы в странах «реального» (т.е. бюрократического, казарменного) «социализма»; 3) национально-освободительные движения «третьего мира», свободные от диктаторско-бюрократических установок и целей.

Вот о единстве каких «трех потоков» ведет речь Автор. Им, по сути, выдвигается идея создания нового Интернационала, который смог бы обеспечить идейное и организационное единство названных революционных потоков.

5. Именно это мировое единство демократических, гуманистических, революционных сил способно, по мнению Автора, существенно ослабить позиции монополистического капитала в странах Запада, бюрократических, диктаторских сил в «третьем мире» и нанести ощутимый удар по системе «бюрократического социализма». Иначе говоря, выдвигается задача формирования – через головы правительств и правящих групп – **всемирного гражданского общества**, способного противостоять в равной мере и буржуазно-бюрократическим и бюрократическо-социалистическим системам.

6. Этот *всемирный, интернациональный контекст*, очерченный в книге «Диалектика и революция», был для Автора и *важной предпосылкой развития темы новой – бюрократической – формации*. Далее мы скажем об этом подробнее. Здесь же заметим, что, разрабатывая концепцию новой формации и нового интернационализма, Автор отнюдь не порывает с марксистской теорией, но, добавим, и не ограничивается ею. Он отталкивается от ряда идей Маркса, не слишком им разработанных, не доведенных до их логического конца, и развивает эти идеи, расширительно толкует их, дополняет в соответствии с реалиями XX столетия, что приводит Автора к теоретическим положениям, хотя корнями и уходящим в марксистский фундамент, но всё же далеко выходящим за намеченные Марксом горизонты. И потому совокупность теоретических положений, составляющих разработанную Автором концепцию, уже вряд ли можно без существенных оговорок отнести к классическому, традиционному марксизму.

А теперь, как и обещали, обо всём этом – подробнее.

Вначале об одной из центральных идей книги – идее **МЕТАФОРМАЦИИ**.

Марксистские теоретики традиционно и легко определяли формационный тип, присущий тем или другим отдельным странам: скажем, в Великобритании XVIII–XX веков – буржуазная формация, в России XVIII века – феодальная и т.п.

Но при этом упускалось из виду, что, по мере исторического развития (в особенности начиная с XVI–XVII веков, когда бурно начал развиваться капитализм) заканчивается эпоха «локального» развития стран и народов. Люди живут уже не просто в *отдельных* странах, а в странах, включенных в *систему мирового взаимодействия*. И эта система всемирного взаимодействия, складывающаяся из взаимного влияния стран, находящихся в различных формационных образованиях и на разных ступенях одной и той же формации, представляет собой некую весьма сложную **метаформацию, через призму, через особенности которой только и может быть понят формационный тип отдельных стран**. Иначе говоря, мировая история перестаёт быть просто суммой историй отдельных стран, она становится историей объединяющегося человечества. История становится подлинно *всемирной* историей.

Рассмотрению сущности этой **метаформации**, особенностей и этапов ее развития, ее влияния на социально-политические процессы и формационные структуры отдельных стран посвящены многие страницы вышеупомянутой книги Автора «Диалектика и революция».

Разработка этих идей составляет содержание концепции, которую Автор называет теорией **Всемирности**.

Теорию Всемирности в 60–70-е годы в отечественной науке разрабатывали, наряду с Автором, такие глубокие, такие замечательные мыслители, как М.Я. Гефтер, И.К. Пантин, Я.С. Драбкин, Б.Ф. Поршневу и некоторые другие. Вообще замечу, что мы, россияне, испокон веков не умеем ценить сделанное у себя дома (в своем Отечестве, как известно, пророков не бывает!). Мы апатично проходим мимо собственных достижений и с энтузиазмом кидаемся на заморские цапки. Так мы в 80-е годы накинудились на появившуюся на Западе теорию *Глобальности*, и петушком, вприпрыжку, громко кукарекая, побежали за изобретателями «глобализации», вычитывая у них, как откровение, рассуждения о становлении *единого* и многообразного мира и

спеша переводить их мысли и термины на язык родных осин. А то, что основы теории Глобальности (названной в 60–70-е годы отечественными теоретиками по-русски – Всемирностью) разработаны российскими учеными (и с основательностью, превосходящей многие современные западные концепции), – забыто напрочь. И тут вопрос о *приоритетности* имеет принципиальный характер. Мы не сомневаемся, что к разработкам российских ученых теории Всемирности наше научное (и политическое) сообщество еще вернется и по-пушкински, «пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет».

Отряхнуть пыль с теории Всемирности (или если вам сегодня больше нравится – Глобальности) и «переписать» высказанные там идеи важно еще и потому, что российская концепция Всемирности органически включает в себя не просто описание процесса превращения Мира и Человечества в единое органическое Целое, но и место в этом Целом России, а также теорию изменения, *революционного* преобразования того типа Всемирности (Глобальности), который формируют сегодня богатые страны, страны так называемого золотого миллиарда. То есть теория Всемирности-Глобальности русских теоретиков, и Автора в том числе, включает в себя и те установки на фундаментальное (революционное) изменение типа и направления глобализации, которые, между прочим, сегодня выдвигают *антиглобалисты*.

В общем, наш Автор рассматривает, как возникает и развивается Всемирная «метаформация», какие проходит этапы, какие порождает она новые закономерности развития, возникающие, например, на стыке взаимодействия стран разного уровня развития и разных социально-политических устройств, какие преподает уроки для революционных сил отдельных стран и мира в целом.

Попробуем перечислить основные пункты идей по теме Всемирности, которые были разработаны Автором на рубеже 60–70-х годов прошлого века.

Вот как формулировал это в те годы сам Автор:

«Всемирность исторического (хозяйственного, культурного и

т.д.) процесса, **всемирность** революционного процесса – явление, без осмысления, без полного учета которого невозможно решить (ни теоретически, ни практически) ни одну – ни большую, ни малую – проблему экономического, социально-политического развития отдельных стран и народов.

Всемирность с точки зрения исторической – это особый тип развития человеческого общества, зарождающийся при капитализме, но раскрывающий свою истину, свое богатство и значимость лишь в условиях коммунистического общества.

Всемирность есть *необходимое* экономическое следствие развития производительных сил, есть явление, в котором наиболее полно раскрывается исторический смысл, цивилизаторская миссия капитала (подготавливающего – хотя лишь потенциально и к тому же в уродливой, антагонистической форме – развертывание универсальности человека, его универсальных, всемирных связей и универсальных способностей) и которое вместе с тем выявляет историческую ограниченность капитализма – общества частной собственности и эксплуатации, не могущего в силу этого действительно поставить задачу полного и всестороннего развития человеческой личности.

Всемирность – явление развивающееся – от более или менее случайного взаимодействия отдельных стран к их устойчивой и прочной связи, к их превращению в части **единого** целого...

Всемирность исторического процесса служит основой **всемирности** революционного процесса. Революционный процесс тоже есть единство разнообразного. И задача революционной теории – всесторонне изучить возможности и перспективы этого единства различных отрядов, а задача революционной практики – осуществить это единство в действительности.

Ведущим мотивом теории является отыскание национальных путей к решению единой **интернациональной** задачи. Интернациональное – определяющее, главное, подчиняющее себе национальное, но подчиняющее не прямо, не непосредственно, а путем преломления через национальное бытие.

Всемирность обуславливает появление спектра возможностей для ускоренного развития стран и народов и, следовательно, обуславливает возрастание роли сознательности в историческом процессе, роли субъективного фактора, в задачу которого входит выработка путей соединения мирового с национальным, выращивание на национальной почве, из национальных условий – мирового.

Марксом и Энгельсом был заложен методологический фундамент, выработаны общие подходы к проблеме **всемирности**, а также осуществлено применение этого общего к конкретным ситуациям своей эпохи. Однако эпоха домонополистического капитализма не давала много материала для всестороннего освещения этой проблемы, недостаточны были и эмпирические данные о целом ряде эпох в развитии человечества. Поэтому *многие аспекты* этой проблематики у К. Маркса и Ф. Энгельса *остались открытыми, незавершенными...* Как и Маркс, Энгельс абсолютно уверен в том, что «раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полудивилизованные страны сами собой потянутся за ними; об этом позаботятся одни уже экономические потребности». Но, как и Маркс, Энгельс не пытается заглянуть дальше, чем это позволяют современные ему данные, чем позволяет возможность строгого научного расчета: «Какие социальные и политические фазы придется проделать этим странам, пока они дойдут до социалистической организации, об этом, я думаю, мы можем выставить довольно праздные гипотезы». Возможности всестороннего раскрытия содержания явления **всемирности** были в XIX веке ограничены и тем обстоятельством, что подлинно всемирным капитал становится лишь в форме монополии, в форме, которая ясно сложилась и определилась уже после смерти Маркса – на рубеже XIX–XX веков...

Нарастающий в современных условиях процесс интернационализации хозяйственной и культурной жизни – это процесс, происходящий в обстановке острой классовой борьбы. Капиталистические собственники и **государственно-**

монополистическая бюрократия (так аккуратно, но и достаточно прозрачно для внимательного читателя ввел Автор в свою концепцию и *советскую бюрократию* той поры – Г.В.) пытаются узурпировать великие преимущества интернационализации – в интересах ничтожного меньшинства. Народы социалистических стран (снова – тонкость: не о «социалистических странах», а именно о *народах* этих стран ведет речь Автор – Г.В.), мировой рабочий класс, национально-освободительные движения борются за демократическую, социалистическую альтернативу – за то, чтобы дополнительные могучие производительные силы, порождаемые процессом интернационализации, были поставлены на службу *гигантскому большинству человечества*».

Это, так сказать, общий фон, на котором Автор далее рассматривает социальные изменения в различных странах и регионах мира, изменения, влияющие, в свою очередь, на современную теорию и практику революционного процесса, на три составляющих его потока. Мы обещали рассказать об этом подробнее. Пора это обещание выполнить.

Итак:

1. Социально-политические изменения в странах развитого капитализма и их влияние на революционный процесс.

Изменения эти Автор связывает со многими моментами – и с развитием производительных сил, и с ростом общественного материального богатства, позволявшего повышать уровень жизни и возвышать культуру труда наемного работника, и с соперничеством с той своеобразной системой, что сложилась в СССР. Но особо значимым фактором и стимулятором изменений стала научно-техническая революция (НТР) середины двадцатого столетия, которая вызвала к жизни новых субъектов социальной деятельности, видоизменила структуру сил, господствующих в экономической сфере, существенно преобразила тип «наемного работника».

Если прежде осевую линию классового противостояния можно было представить так: «капиталист (собственник средств

производства) – наемный работник», то теперь ситуация изменилась и усложнилась. Частный собственник средств производства (т.е. классический, традиционный капиталист) перестал быть *единственным* представителем господствующих в обществе социальных сил. Ему пришлось потесниться, уступая место новым «командирам» производства и социальной деятельности. В первую очередь речь идет о технократах, о процессе, который в научной литературе получил название «революции управляющих» (менеджеров, технократов, техноструктуры). Правда, термин «революция» в отношении роста значимости менеджеров – есть некоторое преувеличение, ибо усиление власти технократии коренного признака капитализма как системы эксплуатации наемного работника не меняет. Но то, что управляющие заняли в экономической деятельности серьезные командные высоты, в определенной степени сопоставимые с теми, что занимали собственники средств производства, – несомненно. В этой связи Автор высоко оценивает идеи Гэлбрейта, в особенности его книгу «Новое индустриальное общество», где убедительно показано, что менеджеры (техноструктура) перестали быть лишь *обслуживающим* капиталистов персоналом, они перестали быть просто высокооплачиваемыми наемными работниками. Их роль и значение в экономике практически сравнялись с ролью и значением собственников средств производства. И, опираясь на фактический материал, приводимый в книге Гэлбрейта, Автор дает *свое* понимание сущности менеджеризма, источников его резко возросшей социальной силы, во многом уже сопоставимой с силой и влиянием традиционных частных собственников. «Технократия, – пишет Автор в статье «Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма» – это разновидность, специфическая форма частной собственности. Технократия – это не просто производственная компетентность и эффективность, **технократия – это частная собственность на знание, образование, информацию, на то, что Энгельс называл «средствами развития»**, это очень жесткая форма разделения труда, отделения

управленческого труда от труда исполнительского»²⁸. (Важно отметить, что, говоря о западных технократах, Автор постоянно подводит читателя к мысли об увеличении социального веса высшей технократии в СССР, о ее возрастающем соперничестве и содружестве с государственной бюрократией, подчеркивая при этом, что процессы эти несколько ослабляют монополию советского чиновничества, и тем создают некоторые дополнительные возможности для усиления демократических, антибюрократических сил; но вместе с тем он предостерегает против преувеличенных надежд на демократический потенциал советской управленческой технократии – подобно тому, как на Западе технократия не изменяет коренной, эксплуататорской, природы общества, так и в Советском Союзе технократия не изменяет сути бюрократического государства; но это – к слову).

Продолжим, однако, наш рассказ о взглядах Автора на эволюцию социальных отношений на Западе (не отказываясь, впрочем, и в дальнейшем от проведения аналогий – пусть не прямых, не непосредственных – с ситуацией в стране «реального социализма»).

Научно-техническая революция, отмечает далее Автор в вышеупомянутой статье, **изменяет роль НАУКИ** в системе общественного производства: она всё больше становится **главной и непосредственной производительной силой**. Подобно технократам, деятели науки всё больше перестают быть обслугой собственников средств производства. Резко повышается их роль в экономической деятельности, их *самостоятельное* значение в ней. **УЧЕНЫЙ** всё больше выступает в качестве самостоятельной и полноправной силы, обладающей **своей формой собственности** – **на научное знание** (эту главную во второй половине XX века производительную силу).

И наконец, четвертая привилегированная социальная общность – **государственное чиновничество, государственная бюрократия**. И она в значительной степени перестает быть «приводным

²⁸ Вопросы философии. 1972. № 1. С. 166.

ремнем» класса частных собственников. Развитие планирования, программирования в региональных и общенациональных пространствах, разработка и осуществление масштабных общенациональных проектов – делает бюрократию **самостоятельным и влиятельным субъектом экономической деятельности.**

Так формируются, по меньшей мере, **четыре** социальные общности, обладающие примерным паритетом и примерным равенством сил и возможностей, которым предстоит *договариваться* о совместной деятельности.

В итоге господствующая социальная общность становится многосоставной, ее части имеют не только некий общий интерес, но и разные мотивы деятельности. И главное: прежний доминирующий стимул экономической деятельности, присущий «капиталистам» (т.е. частным собственникам средств производства), – получение максимальной прибыли – перестает быть *всеопределяющим* для производства. Так, для менеджеров – важен устойчивый, стабильный и эффективный рост производства; для людей науки – обеспечение условий для развития научного знания; для бюрократии – расширение экономической деятельности государственных структур и т.п. То есть капитализм всё больше перестает быть тем классическим капитализмом, который являлся предметом рассмотрения Маркса в «Капитале». Он трансформируется в некий новый строй (тоже – вариант некой «новой формации»), где «максимальная прибыль» и «повышение уровня эксплуатации» перестают быть доминирующим мотивом, строй, который называют (не слишком, впрочем, удачно) «индустриальным обществом», а его новый этап (конца XX – начала XXI веков) – «постиндустриальным обществом». Можно спорить о названии, ибо в нем отсутствует *социально-классовая* составляющая этого нового общества, а отражена лишь его *технологическая* сущность. Но как бы там ни было, несомненно одно: эта социально-классовая составляющая существенно модифицировалась за последнее полу столетие: прежний тип *жесткого* (чреватого радикальной революцией, подобной

Октябрьской) противостояния капитала и наемного труда уходит в прошлое.

Правда, по мнению Автора, социальные коллизии в «индустриальном» (как и в «постиндустриальном») обществе не исчезают, но обретают другой характер и другие формы, не устраняющие, впрочем, необходимости острой и масштабной борьбы за коренные демократические преобразования (совокупность которых вполне может быть названа демократической *революцией*).

И в этой связи Автор обращается к анализу типа «наемного работника», характерного для современного западного общества. Он обращает внимание на новый уровень, новое содержание потребностей и интересов, присущих современным трудящимся, на новые мотивы их борьбы с господствующими социальными слоями. Отмечается, что в связи с НТР, распространением высоких технологий, автоматизацией многих производственных процессов в экономической деятельности начинают доминировать работники высокой квалификации (со средним специальным, а то и высшим образованием); низкоквалифицированные «синие воротнички» прежней эпохи уступают ведущее, доминирующее место в производстве работникам в «белых воротничках». Сословие «наемных работников», кроме того, активно пополняется и инженерно-техническим персоналом (основная масса которого, в особенности в низовых производственных звеньях, перестает быть «привилегированной» рабочей силой и по своим функциям, по своему материальному и социальному положению сближается с традиционным рабочим классом).

«Техническая интеллигенция», пишет Автор, бывшая прежде компактной привилегированной прослойкой, теперь разделяется: ее верхние слои становятся органической частью сословия управляющих, а нижние (и наиболее массовые) – органической частью «совокупного наемного работника».

Формируется, таким образом, по сути, *новая социально-классовая общность* – класс современных наемных работников. От прежнего

«пролетариата» их отличает, во-первых, достаточно высокий материальный уровень жизни. Прежнему «пролетариату», по справедливому уверению Маркса, «нечего было терять, кроме своих цепей». Современному наемнику – уже есть что «терять», он уже не стоит перед дилеммой, сформулированной Марксом: нищета и гибель в капиталистическом аду или победа в революции. Современный *совокупный* работник и без революции в состоянии добиваться серьезного улучшения своего материального и культурного бытия: он имеет сильные и влиятельные профсоюзы, способные защищать его интересы, он имеет свои политические партии (коммунистические, социалистические, левые социал-демократические и др.), получающие нередко значительное число депутатских мест в парламентах, – и с их помощью он имеет реальную возможность защитить и расширить свои права Человека и Гражданина.

Да и противостоящий ему «совокупный» собственник (средств производства, средств управления, научных производительных сил) – весьма сложное и внутренне противоречивое образование, отдельные части которого отнюдь не склонны к жесткой конфронтации с представителями современного наемного труда. Возможности нахождения социальных компромиссов, мирного, «цивилизованного» решения социальных конфликтов и проблем значительно возрастает.

Это не ситуация середины XIX века, не ситуация, которую анализировал тогда Маркс и из которой он не видел иного выхода, кроме грозной революции, перед неизбежностью которой должны «содрогаться» господствующие классы.

Вместе с тем Автор отнюдь не считает, что тема Революции (и необходимости преобразований социалистического типа) в странах развитого капитализма снята с повестки дня. Напротив, как это может ни показаться парадоксальным, она становится еще более насущной, еще более необходимой. Более того, эта Революция и была бы в полной мере реализацией марксова предсказания – о преодолении капитализма принципиально новым общественным

строим.

Дело в том, что у Маркса (в особенности в его работах 40–50-х годов) есть одно очень существенное противоречие в его революционной стратегии (одна из тех – простительных, впрочем – ошибок, которая связана с «нетерпением» поскорее покончить с миром капитализма – о чем, кстати, писал Ленин). Так вот, Маркс характеризует пролетариат середины XIX века как людей, которых «обесчеловечил» буржуазный строй, превративший их в придаток машины, воспрепятствовавший их интеллектуальному развитию. И вот от этого неразвитого, некультурного, обесчеловеченного субъекта Маркс ожидает победы над миром капитала и построения более высокого типа общества – нонсенс! Правда, в дальнейшем – в 60–70-е годы Маркс, и тем более Энгельс в 80–90-е годы, уточняют свою позицию. Они будут много писать о необходимости развития, созревания рабочего класса, превращении его из рабочего класса «в себе» в рабочий класс «для себя», т.е. – класс, способный осознать свою всемирно-историческую задачу, «сохранить и *преумножить* плоды цивилизации». И всё же, и всё же... При всех дальнейших оговорках и уточнениях именно от того рабочего класса – «пролетариата» раннекапиталистической эпохи – основоположники «научного социализма» (а уж тем более их многочисленные «нетерпеливые» и ограниченные сторонники и последователи) ждут создания нового общества, по уровню производства, культуры и т.п. превосходящего общество буржуазное.

Автор всё более и более приходит к мысли, что тот «пролетариат», о котором писали Маркс и Энгельс, может быть, доведенный до отчаяния, и способен восстать против буржуазного строя, может быть, и способен в этом восстании победить своих классовых противников и даже захватить власть, но создать общественный строй, который бы «сохранил и преумножил» богатства предшествующего развития, этот социальный субъект **не способен**.

Задачу создания такого, нового, «социалистического», общества,

превосходящего буржуазное, задачу, которую формулировал Маркс, может выполнить, по мнению Автора, вот этот новый социальный субъект – «совокупный работник» «нового индустриального» (и тем более – «постиндустриального») общества, субъект, обладающий достаточной культурой, чтобы управлять производством и выстраивать новый, человеческий, социальный мир (и, добавим, субъект, который в ходе своей социально-преобразовательной деятельности способен привлечь на свою сторону часть технократии и людей науки).

Иначе говоря, западное общество, по мнению Автора, лишь во второй половине XX столетия *дозрело, доросло* до возможности реализации марксовых прогнозов и призывов.

Но почему – «революция»? Зачем – «революция», если динамично развивается экономика стран Запада, если находятся механизмы «цивилизованного» преодоления кризисных экономических и политических ситуаций, если материальное благополучие наемных работников в общем и целом растет (а проблемы и конфликты не носят неразрешимого характера, и многие из них регулируются за зеленым сукном переговоров)? И что Автор понимает под «революцией» второй половины XX века?

Необходимость коренных («революционных») изменений Автор связывает со следующими моментами.

1. И сегодня сохраняет всё свое значение сформулированная Марксом задача: «Ниспровергнуть все отношения, в которых человек является *униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом*» (курсив наш – Г.В.), перестроить их так, чтобы Человек стал высшим существом для Человека. Здесь речь не идет о материальной нищете, которая, как полагают некоторые дубоватые «марксисты», главным образом поднимает людей на революционную борьбу. Нет, тут сегодня дело в другом: работник не хочет быть «хорошо откормленным скотом» (Плеханов), он хочет быть Человеком, участвующим наравне с другими в управлении всеми социальными процессами. Вот разъяснения Автора на сей счет: «Недавно, – пишет он в одной из статей той

поры, – в рабочем клубе одного маленького финского городка мне довелось беседовать с группой финских рабочих-коммунистов. Это были достаточно материально обеспеченные люди: некоторые приехали на нашу встречу на своих собственных автомашинах (небольших, недорогих, но на своих). Я спросил у них: «Как бы вы ответили на вопрос, который часто задают буржуазные теоретики (типа Гэлбрейта) или мелкобуржуазные (типа Маркузе): «Зачем рабочему, имеющему холодильник, телевизор, а то и автомашину, вступать в коммунистическую партию, бороться против капитализма, за социализм?»»

Отвечая, рабочие упоминали о многом — и о дамокловом мече безработицы, висящем над головой каждого трудящегося, и о потогонной системе труда на капиталистическом предприятии, и о том, что капитализм не может дать прочного мира людям земли... Но среди прочих был один аргумент особенной силы и особенного звучания.

Да, современный капитализм (конечно, под напором нашей борьбы), перебивая и дополняя друг друга, горячо говорили одновременно молодой парень-слесарь и пожилой рабочий-строитель, может обеспечить работающего человека куском хлеба и даже с маслом на этом хлебе, а то и с сыром на этом масле; но нас капиталисты хотели бы превратить в хорошо откормленных животных, нас «смазывают» маслом так, как рачительный хозяин смазывает машину, чтобы она продуктивнее работала; к нам хозяева относятся как к машине среди других машин, как к станку среди других станков; мы лишены возможности реально влиять на ход дел на своем заводе, на судьбы своей страны; наш рабочий инструмент, станки, на которых мы работаем – эти наши механические руки – принадлежат не нам, а другому — капиталисту, и этот «другой» указывает, как нам ими двигать; мы же стремимся сами распоряжаться своими механическими руками, сами определять, что и во имя чего нам производить, — для этого мы и хотим ликвидировать частную собственность, чтобы перестать быть говорящими машинами и стать в полной мере людьми.

Так вот, по-рабочему, опираясь на собственный опыт, изложили финские товарищи цель, которую Маркс по-научному, по-философски формулировал как присвоение человеком своей собственной сущности, отчужденной от него антагонистическим способом производства".

И еще – из другой статьи Автора: «Подлинной и высшей целью социалистической революции является не просто отстранение капиталистов от руководства производством и государством, не просто развитие производительных сил и повышение производительности труда. Все перечисленное – лишь средства по отношению к *высшей цели коммунистического переустройства мира: создание условий для полного всестороннего развития человека, создание общества, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»*. Эту высшую цель необходимо постоянно держать в поле зрения, ни на минуту не упускать из виду среди сложного переплетения, различных линий борьбы, различных задач – ближайших и далеких. Ни на минуту нельзя забывать, что социалистическая революция означает борьбу против того мира, где человек низведен капиталом до роли придатка машины, всего лишь средства для получения прибыли, до роли одной из деталей сложного механизма капиталистического производства, которое само по себе цель. Социалистическая революция означает борьбу против того мира, который деспотически очерчивает человеку узкий круг его деятельности, «деятельности», сводящейся к тому, чтобы исполнять, не рассуждая, исполнять то, что приказывают, что требуют хозяин и организованное в соответствии с интересами капитала производство. Социалистическая революция и есть выражение того, что человек хочет перестать быть вещью, придатком машины, средством производства; он хочет стать Человеком – существом, свободно и наравне с другими участвующим в определении целей общей деятельности, выборе средств их достижения и совместной реализации, т.е. хочет стать активным и сознательным участником

исторического процесса"²⁹.

2. Сохраняющаяся и во 2-й половине XX века потребность в преодолении буржуазного типа общества связана и с изменением системы мировых отношений, усилением экономического и политического диктата над миром стран Запада, их стремлением (это особенно относится к США) установить самодержавно-полицейское господство над человечеством (что, в свою очередь, ведет к милитаризации экономики, невероятному раздуванию военных бюджетов – прямое и чудовищное растраниживание общественного богатства и производительных сил человечества).

Что касается возможных форм социальной (в т.ч. – революционной) борьбы, то Автор отмечает – с точки зрения *внутренней* ситуации – рост удельного веса и возможностей *мирных*, невооруженных форм – через деятельность партий, борьбу за демократические преобразования (способные быть весьма эффективными), за завоевание сильных позиций в парламентах, а то и в правительствах (не исключая, впрочем, в зависимости от условий, и более радикальных форм противостояния низов гражданского общества господствующим слоям). Если же брать социальные конфликты на *международной* арене – между «золотым миллиардом» и миллиардами далеко не золотыми, то тут зарекаться от возможных революционных противостояний революционные силы не вправе.

Таковы некоторые из идей, развивавшихся Автором в сфере проблематики «Запад и Революция». Но, читая его работы, легко заметить, что социальная борьба на Западе Автора интересует не столько сама по себе, сколько в качестве возможного союзника, стимулятора и катализатора социальной борьбы в его стране – Советском Союзе, России, в рамках той «новой общественной формации». Это для него главное.

К этому «главному» мы теперь и переходим.

Итак, по мнению Автора, три главных момента определяют суть и специфику социальной борьбы в России (Советском Союзе): это

²⁹ Молодой коммунист. 1974. № 1. С. 85–86.

– «метаформация», т.е. мировая социальная система, частью которой является Россия (фактор «всемирности»); это – специфика русской истории, специфика русского бытия и менталитета; это, наконец – новая, особая общественная формация, сложившаяся в Советском Союзе, под влиянием вышеперечисленных и некоторых других факторов.

Итак: НОВАЯ ФОРМАЦИЯ.

Мы уже – при анализе ткачевского социализма – сказали, как Автор представляет себе базис этой необычной формации, т.е. отношения собственности, характерные для нее.

Сейчас мы попытаемся ответить на вопросы, которые возникли у участников семинара при заслушивании устного доклада Автора:

- как эта концепция «новой формации» сопрягается с формационной теорией Маркса, и сопрягается ли вообще?
- каковы главные механизмы ее функционирования?

Вначале – о «сопряжении» с марксизмом. Да, она берет начало в теоретических идеях Маркса, а дальше – уж судите сами, остается ли она в пределах марксизма или выходит за них.

Принципиально особый (по сравнению с западом) путь развития России вполне *допускался* Марксом. Когда в начале 80-х годов XIX века Вера Ивановна Засулич в письме спросила Маркса: должна ли, по его мнению, Россия развиваться далее по западным образцам, проходя все стадии капитализма, и применим ли анализ «Капитала» к российской реальности, Маркс, как известно, недвусмысленно ответил: анализ, представленный в «Капитале», базируется, главным образом на западноевропейском (преимущественно даже – английском) историческом материале; что касается путей развития России, то тут нужен *специальный* анализ; ищите, думайте, исследуйте, сопоставляйте и сами делайте выводы. И добавлял: совсем не исключено, что у России будет свой, отличный от Запада, путь развития.

В советское время письмо Маркса к Засулич не слишком было, что называется, «в ходу». Официальные советские марксисты

исходили из того, что капитализм – *универсальный* общественный строй, с *неизбежностью* возникающий по достижении той или другой страной определенного уровня производительных сил, технической оснащенности. И надо сказать, что работы Маркса 50-х (и даже 60-х) годов давали основания для такого толкования. Так, адресуясь к читателям «Капитала» из других стран, Маркс восклицал: не думайте, что речь тут идет о судьбе лишь некоторых стран Европы и что вам удастся подобный путь миновать; нет, это и *ваша* судьба. И эта позиция была подхвачена революционными идеологами незападных стран (и России в первую очередь).

Первые русские марксисты (и их лидер Плеханов), боготворя Маркса, не оценили, однако, его рекомендаций в письме к Засулич и прошли мимо тех глубоких идей о самобытных путях развития России, которые были разработаны Чернышевским и которые так высоко ценил Маркс.

Да, первые русские марксисты (из плехановской группы «Освобождение труда») имеют немалые заслуги перед российской общественной мыслью. Именно они открыли для России марксизм, разъяснили и защитили высокую научность, присущую марксистской теории. Но Плеханов и его «Группа» очень упростили себе исследовательскую задачу: вместо самостоятельного исследования *специфики* русского общественного развития (как рекомендовал их учитель Маркс в письме к Засулич) они просто «пристегнули» Россию к западноевропейской колеснице и, ссылаясь на некоторые элементы подобия, включили Россию в европейское пространство и стали мерить ее мерками марксового «Капитала». Плеханов в своих первых марксистских работах («Социализм и политическая борьба» и «Наши задачи») приложил немало сил, чтобы убедить читателя (да и самого себя), что «Россия нашла след капиталистического развития»; что если раньше, лет двадцать тому назад, еще можно было размышлять о каких-то «особых» путях развития России, то теперь всякие разговоры на эту тему становятся беспочвенной и нелепой утопией, ибо капитализм *пришел* в Россию, и теперь все политэкономические выводы

«Капитала», все его социальные прогнозы и вся вообще революционная теория Маркса (и Энгельса) прямо и непосредственно применима к России. Теперь нам, русским, незачем изобретать свой велосипед, надо просто брать работы Маркса и Энгельса, списывать оттуда их рекомендации и в соответствии с ними действовать. При этом, правда, отмечалось, что, хотя в Россию и пришел капитализм, но мы только-только ступили на капиталистическую дорогу, что это только ее *начало* и что мы обречены теперь какое-то время шагать по этой дороге. И что пока русским революционерам рано браться за *реализацию революционных* лозунгов марксистского «Манифеста», что условия для свержения капитализма, для осуществления русской революции должны еще вызреть (в отличие от Запада, где они вполне созрели).

Этот ученическо-марксистский подход и не позволил Плеханову (и его будущим соратникам из меньшевистской фракции РСДРП) по-настоящему понять суть социально-политической борьбы и содержание революционных схваток, которые сотрясали Россию в начале XX века. Этот марксистский догматизм не позволил плехановско-меньшевистскому крылу русской социал-демократии выработать оригинальную (не догматически-марксистскую) стратегию революционной борьбы и наложить серьезный отпечаток на ход революционных процессов – ни в 1905, ни в 1917 годах, и тем более понять – что же произошло в стране после Октября 1917 года. Их теория слабо соприкасалась с реальностью. Кто-то назвал ее красивой, прямой линией, но проведенной в безвоздушном пространстве. И это в общем-то верно.

Вот плехановские-то (меньшевистские) идеи великолепно «сопрягались» с построениями Маркса. Одна беда: они не «сопрягались» с российскими реалиями. Поэтому, между прочим, наш Автор и стремился «сопрягать» свою концепцию не с марксовыми *западноевропейскими* схемами, а с его напутствием, данным всем нам, его симпатизантам, в письме к Засулич.

Но продолжим, однако, нить наших рассуждений, ведущих к

осмыслению того оригинального, самобытного социально-политического феномена, что сложился в России после Октябрьской революции, к 30-м годам XX века. Тут важно понять позицию Ленина в ее развитии. И об этом – несколько слов.

Поначалу, в 90-е годы, Лениным были активно подхвачены ортодоксально-марксистские идеи Плеханова. Его книга «Развитие капитализма в России» как раз об этом – о том, что Россия «напала на след капиталистического развития». Все его статистические таблицы, анализ земской статистики были подчинены одной задаче: доказать, что Россия стала капиталистической страной, и теперь русские революционеры должны действовать «по Марксу». Плеханову очень понравилась позиция тогдашнего Ленина. Они оба не без гордости называли себя «ортодоксальными марксистами».

Любопытна дальнейшая эволюция этих «ортодоксов», этих «верных» и «твердых» учеников Маркса. Плеханов, как был, так и остался «железным ортодоксом» (а за ним потащилась и та часть русской социал-демократии, которая получила название «меньшевики»). Он всё время оглядывался на Запад, на его историю, на пройденные им этапы – тут открывались для него пути-дороги, которыми предстояло шагать отставшей России, и он всё время держался за те характеристики этих этапов, которые давали его учителя – Маркс и Энгельс. И так – вплоть до 1917 года, до Февраля, Октября, и до своей смерти в 1918-м: вот Россия прошла этап промышленной революции (во второй половине XIX века – по образцу английской промышленной революции XVIII века), вот прошла этап «первоначального накопления» (с разрушением общины и превращением значительной части крестьянства в фабрично-заводской пролетариат), вот начал формироваться класс буржуазии, вот начались его первые столкновения с появившимся в России «пролетариатом». Пример западного развития подсказывает, как дело в России должно пойти дальше: буржуазия, дабы упрочить пришедший в страну капитализм, должна потеснить дворян и помещиков (классы-сословия уходящего феодального общества), устранить

самодержавие (заменяя его тем или другим видом конституционного строя). В общем, Россия – накануне *буржуазной* революции (которая может быть более или менее мирной – по типу «славной» английской революции конца XVII века или вооруженно-кровавой – по типу французской революции конца XVIII века). В ходе упрочения капиталистических отношений российское крестьянство (опять-таки по примеру Запада) должно разложиться на «мелкую буржуазию» и «пролетариат»; пролетариат должен созреть, развиваться, поддержать буржуазию в ее борьбе против самодержавия и помещиков, а потом, по образцу европейских пролетариев середины и второй половины XIX века, – создавать свои политические организации, партии и профсоюзы и постепенно наращивать свою борьбу с капитализмом, который созреет и перезреет. В результате сложатся условия для революционной победы рабочего класса. Но ни в 1905-м, ни в 1917-м Россия, по уверению Плеханова, не созрела для преодоления буржуазного строя, русский пролетариат к построению социализма еще не готов. Надо, стало быть, вести борьбу в рамках капитализма, ждать и готовиться к будущим, решающим битвам.

Иначе шла эволюция взглядов Ленина – от плехановского догматизма до удивительно оригинальных, не укладывающихся в традиционные марксистские схемы идей эпохи революции 1905 года, до финального (на закате жизни) требования о «коренном пересмотре всей нашей точки зрения на социализм». Ленинские идеи о своеобразности русского социального и революционного развития проторяли дорогу к пониманию необычных итогов развития России в XX столетии.

А теперь – некоторые, более конкретные, соображения о ленинской идейной эволюции, еще ближе подводящие нас к Авторской концепции «новой формации».

Итак, начинал Ленин с ортодоксии плехановского типа. «Развитие капитализма в России» – тому пример. Но важно отметить, что даже в этой, в целом по-плехановски

ортодоксальной, книге есть ростки будущих весьма неортодоксальных идей. Например, очень важная констатация *специфики* значительной части российского рабочего класса – «рабочий с наделом» (социальный кентавр – нечто среднее между рабочим и крестьянином!). Этот невиданный на Западе субъект революционного процесса наложит свой отпечаток на многие коллизии социальной борьбы в России, что найдет отражение в ленинской теории. Да и фактор российской «отсталости» Ленин начинает трактовать иначе, чем Плеханов: России суждено не просто преодолеть эту «отсталость», формационно «догнав» Запад. В России «отсталость» из количественного фактора перерастает в качественный – в качество особого пути развития. В России «отсталое» и порождаемое на Западе «новейшее» соединяются в необычный симбиоз, обуславливая специфику социального развития и классовой борьбы.

Эта тема оригинального сцепления «отсталого» и «новейшего» получает мощное развитие в ленинских работах эпохи революции 1905 года, и вследствие этого пути Ленина и Плеханова раз и навсегда разойдутся. Ленин для Плеханова перестанет быть «подлинным марксистом». «Ленинизм – это не марксизм, это пародия на марксизм», – без конца будет повторять Георгий Валентинович.

Но Ленина эти оценки его вчерашнего Учителя уже мало смущают. Он двинулся своей дорогой, вполне соответствующей общеметодологическим рекомендациям Маркса и Энгельса: теория – не более, чем общее руководство к действию, главное же – «конкретный анализ конкретной ситуации».

А этот конкретный анализ конкретно-русской ситуации начала XX века привел Ленина к выводу, что *самостоятельный* этап буржуазного развития (как это было на Западе) *невозможен*. Русская буржуазия, отметил Ленин, развивалась так медленно и трусливо, что, когда она стала вступать в конфронтацию с самодержавно-помещичьим строем, она увидела, что уже вырос её враг «слева» – рабочий класс, и что она не в состоянии воевать на

два фронта – с царем и помещиками и с пролетариями. Пролетариат казался ей (и совершенно справедливо) гораздо опасней царя и помещиков, и потому она жалась к ним.

Ленин первым зафиксировал этот парадокс: объективно (с точки зрения требования развития производительных сил и с точки зрения требования общественных отношений) Россия стоит *перед буржуазной* революцией, и в то же время общественный класс (буржуазия), который должен по своему историческому предназначению решать эту задачу, отказывается (или не в состоянии) это сделать, что чревато катастрофическими последствиями для развития страны, да и просто для ее существования.

И Ленин ищет пути выхода из этой парадоксальной и угрожающей ситуации, в которую попало российское общество. И, естественно, ни у Маркса, ни у Энгельса вычитать это было, увы, невозможно. Ленин понимает необходимость и имеет политическую смелость и теоретическое мужество покинуть берег своих учителей и пуститься в самостоятельное плавание. А «мученик ортодоксии» Плеханов смотрит с этого, облюбованного им на веки вечные, берега, смотрит, как удаляется в неведомые морские пучины его еще недавно единомышленник, как увлекает он за собой других смельчаков, этих революционных Колумбов, – и посылает им вслед полные сарказма и яда проклятия: это-де не марксизм, это смесь «ревизионизма» с «народовольчеством» и т.д., и т.п. А Ленин, невзирая на проклятия своего недавнего учителя, упрямо движется навстречу новым, никому до него не ведомым теоретическим землям.

Итак, размышляет он, нужны социальные (экономические и политические) преобразования буржуазного типа, русская буржуазия уклоняется от выполнения своей исторической миссии. Значит, во имя спасения общества и страны эту буржуазную задачу должны выполнить небуржуазные силы. В России это – пролетариат, крестьянство, а также возможные их союзники – мелкая городская буржуазия и демократическая интеллигенция.

Таскать из огня каштаны для своего исторического противника? – иронизируют плехановцы.

Да, тут есть проблема. Вышеназванному союзу демократических, революционных классов по силам, конечно, свергнуть власть царя и помещиков, уничтожить все прогнившие феодальные путы. Но дальше-то, дальше что? Пойти на поклон к буржуазии: мы-де расчистили вам дорогу, подготовили почву для развития капитализма – идите теперь и правьте страной и всеми нами? Какая-то нелепая и совершенно невозможная стратегия. Победитель в революции не может, не имеет права добровольно отдавать результаты своей победы в руки враждебной себе общественной силы. Но тогда – что? Но тогда – как? Плехановцы хохотали над этими затруднениями, а Ленин продолжал работать над ними, стремясь развязать, распутать исторические узлы.

Ленинские теоретические конструкции получались громоздкими, сложными. Но что делать – сложна и необычна была задача, вставшая перед российским обществом. Нет, победивший и захвативший власть революционный народ не будет обслуживать враждебные себе – буржуазные – силы. «Революционно-демократическое» правительство, выполняя назревшие преобразования буржуазного типа, будет постоянно выходить за их пределы, преодолевая узкие для него (и поддерживающих его сил) буржуазные горизонты – вводя по мере возможности элементы будущего социалистического общества.

Так рождалась грандиозная идея некоего «переходного» общества, совмещающего в себе буржуазные и социалистические черты, или можно сказать иначе – общества не буржуазного и не социалистического, а совершенно особого типа.

Здесь, по мнению Автора, – зародыш тех идей, которые потом будут развиты Лениным в годы НЭПа, в статье-завещании «О нашей революции» и которые будут началом осмысления выдвинутой Лениным (в 20-е годы) задачи – «коренного пересмотра всей нашей точки зрения на социализм». В общем, идея нового, особого, неведомого истории и непредначертанного в

марксистской теории социального устройства (в терминологии Автора – «новой формации») берет начало в теоретических построениях *марксиста* Владимира Ленина. Вот это и есть то направление, на котором концепция Автора «сопрягается» с марксистскими построениями.

Правда, тут нужны две оговорки.

Первая. Предсказываемая возможность (и необходимость) появления нового социального устройства – после победы революции в самодержавной и полуфеодальной России – Ленин ни словом, ни намеком не говорит о возможности превращения этого послереволюционного режима в режим антинародного, тоталитарно-бюрократического типа. Стало быть, дав своими теоретическими исканиями толчок в направлении возможного появления «новой формации», Ленин не может быть, увы, помощником в деле понимания того, что реально случилось в истории России после Октября и какое именно социальное устройство сложилось в стране к 30-м годам XX века.

И вторая оговорка, объясняющая, почему, по мнению Автора, Ленин не может быть помощником в осмыслении сути «новой формации». Все-таки эти мысли об особом социальном устройстве России постоянно соседствуют у Ленина с его стремлением (как только позволяют изменившиеся, по его мнению, обстоятельства) вновь возвращаться на круги марксовых идей.

Да, для Ленина главным был не схоластический перепев марксовых формул, а, как он любил выражаться, «конкретный анализ конкретных обстоятельств». И если этот «конкретный анализ» требовал отхода от ортодоксии, Ленин смело шел на это. Но всё же его (сказывалось наследие его юношеских увлечений и его «первая любовь» к Плеханову) всегда тянуло в привычную «гавань» Маркса, к его идеям; он отступал от них как бы временно, под сильным давлением необычных обстоятельств. И когда эти обстоятельства изменялись, вновь, напоминая, по его мнению, марксову ситуацию, он немедленно – и с большим удовольствием – возвращался к марксовым установкам и рекомендациям. Так, к

1912–1914 годам, когда капиталистическое производство в России получило определенное развитие и появились организации, подобные западным концернам и трестам, Ленин поспешил возвестить о приходе в Россию монополистического капитализма, высшей фазы буржуазного общества, между которым и социализмом уже нет промежуточных ступеней. «Социализм – это монополия, обращенная на благо всему обществу», – провозгласит он. И не надо уже никаких сложных построений – всех этих «революционно-демократических» схем, «революционно-демократических диктатур пролетариата и крестьянства». Всё! Обстоятельства «доросли» до марксовых условий, и теперь снова можно припасть к первоисточнику и снова чертить схемы развития русской революционной борьбы «по Марксу». И провозгласив в апреле 1917 года курс на социалистическую (!) революцию, он штудирует сочинения Маркса и Энгельса, посвященные проблемам государственного обустройства после свершения социалистической революции. И появляется в результате ортодоксальнейшее произведение – «Государство и революция» – о том, как по чертежам основоположников научного социализма и в соответствии с «опытом Парижской коммуны» строить российскую социально-политическую систему. Произведение, западное содержание идей которого совсем не «сопрягается» с российскими реалиями. Потом, правда, к осени 1917 года, у Ленина опять зазвучат мотивы своеобразия российского общественного развития, и выдвинутые им главные лозунги Октябрьской революции будут совсем не социалистического (а скорее – общедемократического) типа: мир – народам, земля – крестьянам (на основе отнюдь не социалистической, эсеровской, программы), фабрики – рабочим (с упором на идею рабочего контроля)...

Но и потом Ленин (а уж тем более его ученики) будет постоянно колебаться между фундаментальными и универсальными марксистскими установками на немедленное «введение» социализма (например, «военный коммунизм» 1918–1920 годов) и «немарксистской» стратегией НЭПа, курса на привлечение к строительству нового общества «буржуазных спецов», отказ от

«принципов Парижской коммуны» и т. п. ...

Весь этот экскурс нам понадобился для того, чтобы подчеркнуть, что признание особых, самобытных – и в классово-социальном, и в формационном отношении – путей развития стран Востока или стоящих на границе Запада с Востоком (таких, как, например, Россия) отнюдь не означает «разрыва» с марксизмом, однако требует его серьезного дополнения и развития (а то и выхода за пределы его классических установок). Формационная специфика России совсем не обязательно должна вписываться в известную формационную «пятичленку» учебников по историческому материализму. «Метаформация», сложившаяся на основе всемирности (глобальности), и новые формации (некапиталистического и несоциалистического типа) – это социальные формы двадцатого столетия, и они требуют внесения серьезных корректив в марксистскую теорию (а в чем-то, повторю, и выхода за ее пределы).

Это к вопросу о сопряжении концепции «новой формации» с формационной теорией марксизма.

Теперь несколько слов в качестве ответа на другой вопрос, задававшийся участниками вышеупомянутого семинара, – о специфических механизмах функционирования этой необычной формации.

Как вы помните, анализируя сталинский «социализм», мы подчеркивали, что, по характеристике Автора, он был «социализмом» лишь на словах: работник не стал «хозяином» и собственность там не стала «общественной», а стала корпоративной собственностью бюрократии, бюрократического сословия, ибо оно, это сословие, определяло цели экономической деятельности, подыскивало средства их достижения и заставляло полностью подвластных им работников трудиться для достижения этих, поставленных бюрократией, целей. Работник по-прежнему был отчужден от средств производства и результатов своего труда. В общем, это НЕ социализм.

Есть, правда, искушение (и ему поддаются некоторые вполне

приличные оппозиционные сталинизму теоретики) – представить советско-сталинский строй некой разновидностью «государственного капитализма». Вообще-то сходство с капитализмом тут немалое: и собственность частная (корпоративно-бюрократическая), и рабочий остается наемным работником («наемным рабом» государства). И отчуждение сохраняется, и эксплуатация. Всё так. И всё же это – *особая* система, *особая* формация, хотя и родственная капитализму, но далеко с ним не совпадающая; и по-настоящему она может быть понята не через призму капитализма (тогда мы упустим многие важные ее особенности), а без всяких призм – через неё саму.

Так вот, как известно, мотивы деятельности капиталистов определяются производством прибыли, прибавочной стоимости. Капитализм, стало быть, в первую очередь – *экономическая* формация. Между прочим, этот мотив получения прибыли обуславливает существование черт прогресса в буржуазном обществе: развитие экономики, производительных сил общества – через экономическую конкуренцию, рынок, открытие новых технических возможностей, развитие научного знания (хотя, конечно, и в очень противоречивой форме, которая служит источником всевозможных катаклизмов и кризисов – вплоть до кризисов всеобщих, всемирных, катастрофических).

Бюрократ же (госчиновник «советского» государства) – не *экономический* субъект, не субъект экономики; его не волнует экономическая прибыль, «прибавочная стоимость», ибо это не *его* прибыль, не *его* прибавочная стоимость, он не может ее непосредственно себе присвоить. Там, на Западе, всё ясно, просто и прозрачно: разделение произведенного общественного продукта – по капиталу. Здесь же у чиновника никакого «капитала» нет; у него мотивы и стимулы деятельности иные и система распределения иная, и взаимоотношения с работником другие.

Здесь всем распоряжается, можно сказать, «акционерное общество» бюрократии. Что здесь является «акцией», в соответствии с которой чиновник получает свои дивиденды? Не

частный капитал, а занимаемое им КРЕСЛО в чиновной иерархии. Движение по чиновничьей лестнице, из одного кресла в другое – вот стимул деятельности бюрократа. И тут – целая, тщательно отлаженная, система: к каждому «креслу» привязаны определенные жизненные блага и жизненные возможности. И определенные механизмы и средства движения по этой лестнице – то, что потом сложится в систему номенклатуры. Тут свои – специфические – правила, законы, моральные императивы, объективные и субъективные возможности. Ты движешься по этой лестнице, только если свято блюдешь все эти законы и правила.

Вот некоторые из них. Ты должен иметь несколько властных мандатов на занимаемое тобой кресло: ты должен быть членом партии; она может называться «коммунистической», «социалистической», «народной» и т.п., но на деле это партия бюрократии (это её «орден»), причем ты должен быть не просто «членом партии» (таких, внизу, бесправных и безгласных «членов» может быть много, они служат фоном, пьедесталом для таких, как ты), но – членом «партийной номенклатуры», этого сравнительно немногочисленного (по сравнению со всем населением и даже по сравнению с количеством всех членов партии) сословия. Внутри номенклатуры – свои этажи, свои ступени: номенклатура районного масштаба, областного, республиканского, всесоюзного. Ты должен быть абсолютно лояльным этой своей организации, предан ей душой и телом. Решения этой твоей организации, твоего «акционерно-бюрократического» сообщества, идущие, конечно же, только сверху вниз, должны быть тобой безусловно и беспрекословно исполняемы. Ты не сопоставляешь эти решения с потребностями жизни страны, с интересами людей твоего общества, ты – всего лишь исполнитель начальственной воли. Правда, ты можешь быть виртуозом исполнительства – всё предписанное исполнять четко, быстро и даже с энтузиазмом, не подвергая ни малейшему сомнению содержание спускаемых тебе предписаний. Тебе сказали: есть «враги народа», их много, их надо «разоблачать», кое-кого расстреливать, а большую часть отправлять за колючую проволоку – в каменоломни Воркуты или

на сибирский лесоповал. Вот и виртуозничай: находи «врагов», не найдешь – создавай их сам, выколачивай из них «признания», но не примитивно, не дубово, проявляй при этом особого типа «мастерство», дабы вышестоящие не натыкались на создаваемые тобой деятельностью проблемы. Для начальства ты должен быть беспроблемным – тогда и пойдешь в гору, тогда и будешь получать свой «законный» пай от общего бюрократического пирога размером в соответствии с высотой занимаемого тобой КРЕСЛА.

Имей также в виду, что твое движение по карьерной лестнице зависит не только от твоей преданности генеральной линии «акционерно-бюрократического сословия», но, главным образом, – от благорасположения твоего ближайшего и непосредственного начальника. То, что «внизу», все эти «люди», «народ», «гражданское общество», для тебя ничто, «фу-фу», как любил выражаться один из гоголевских героев. Их мнения, их к тебе и твоим соратникам отношение – это ерунда, пустяки, не стоящие внимания. От них твое положение совершенно не зависит. Главное, повторим, – расположение начальства.

Автор в этой связи любит цитировать народнического публициста XIX века Н.К. Михайловского: «Русская бюрократия, если смотреть на нее снизу вверх – восходящая лестница **бар**, если сверху вниз – нисходящая лестница **лакеев**».

Автор без колебаний и сомнений оценивает эту систему и ее политический режим («диктатуру номенклатуры») *абсолютно* негативно – как *реакционное явление, со всех сторон и во всех отношениях*. И полагает, что режим этот, его создатели и наиболее ярые активисты заслуживают масштабного исторического СУДА, по типу Нюрнбергского, с основным мотивом обвинения, который можно было бы сформулировать как «преступление против человечности».

Автор считает важным также ответить на один часто, в этом контексте, задаваемый – вполне порядочными людьми – вопрос: как совместить эту вашу абсолютно негативную оценку сталинского режима с тем, что при этом режиме страна решала и, в

общем-то, решила масштабную историческую задачу – задачу модернизации и индустриализации России (в соответствии с известным афоризмом Черчилля, насчет того, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил ее с ракетами).

Автор здесь совершенно не приемлет весьма распространенный ответ такого типа – что-де сталинский режим не был какой-то абсолютно черной «дырой»; он был, с одной стороны, конечно злодейским, но, с другой – не лишенным и позитивных, прогрессивных черт; не надо-де всё мазать одной черной краской. И сегодня в соответствии с этой точкой зрения эти «светлые» краски сталинизма все шире, все капитальнее заполняют полки книжных магазинов, все полноводнее разливаются по пространству телевизионных экранов.

Автора, повторим, не устраивает такое «совмещение», его не устраивает формула: «с одной стороны», «с другой стороны». Ему представляется очень удачной, очень эвристичной другая формула – предложенная при характеристике сути бонапартистских режимов Энгельсом (о чем Автор писал в начале 70-х годов в своей, набранной для публикации в «Новом мире», статье, демонстративно, впрочем, забранной им из редакции – в виде протеста против произведенного цековской бюрократией разгона редколлегии журнала во главе с Твардовским). По свидетельству Автора, Энгельс, анализируя деятельность бонапартистских режимов (режимов отвратительных, но при которых тем не менее решались крупные общенациональные задачи), писал: это – **«реакционная форма выполнения исторически прогрессивной работы»**. Замечательное и глубокое, по мнению Автора, определение. Здесь отнюдь не отрицается, не перечеркивается тот факт, что определенная исторически-прогрессивная работа была страной и обществом выполнена. Но вместе с тем подчеркивается, что порождена, что инициирована эта работа не усилиями бонапартистских режимов, а глубинными потребностями общества (в сфере развития культуры, техники, образования и т.п.), необходимостью реализовать эти потребности – во избежание катастрофических для социума данной страны последствий.

Потребность в модернизации породилась глубинными интересами общественного бытия, и задачи модернизации так или иначе решались – независимо от того, какой режим утвердился в той или другой стране.

Так, процесс модернизации шел в России при разных режимах – со второй половины XIX века (отмена крепостного права, промышленная революция, первоначальное накопление, далее – реформы Витте, Столыпина, экономический бум, породивший концерны, синдикаты, крупные монополии, накануне Первой мировой войны...). Более того, сами революции 1905–1907 годов, Февральская и Октябрьская (1917 года) были порождены, во многом, потребностями медленно и «криво» шедшей при царизме модернизации. И, естественно, процесс этот не мог – так или иначе – не продолжаться в Советской России – при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежневе...

Между прочим, в *разном* политическом оформлении шел процесс модернизации и в странах Запада – и в рамках капитализма (с разной степенью демократичности), и в рамках авторитарно-диктаторских режимов (салазаровско-франкистского типа), и в рамках итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Всё человечество – раньше или позже, с большей или меньшей скоростью – обречено было шествовать через это историческое поле модерна. А политические формы в разных странах были лишь более или менее адекватны этому неизбежному и неостановимому процессу.

Политическая форма сталинизма – террористическая диктатура номенклатуры – была одной из форм, при которой осуществлялся этот процесс, но которая – и это главное для понимания сути дела! – его сужала, деформировала и калечила. И деформировала его так и настолько, что, в конечном счете, результаты этой (сталинистской) формы модернизации оказались **РАЗРУШИТЕЛЬНЫМИ** для страны. Ситуация глубокой стагнации 70-х годов, экономический обвал 80-90-х годов, наконец, сам распад страны и были неизбежным следствием этой – сталинско-

номенклатурной – формы модернизации. Вот почему Автор и оценивает сталинский (и его чуть более смягченный вариант – брежневский) режим не как «негативный, с одной стороны, и позитивный – с другой», а как РЕАКЦИОННУЮ форму выполняемой страной и ее народом исторически-прогрессивной работы, форму – негативную и реакционную СО ВСЕХ СТОРОН И ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ.

Со всем этим связана и «патриотическая» составляющая социалистической концепции Автора – немаловажная деталь всей системы его мышления. Сталинисты, брежневцы, андроповцы и их современные полные или частичные единомышленники из партий нынешней номенклатуры, когда встречаются с безусловным и абсолютным критическим отношением к бюрократическому правлению эпохи «реального социализма», с пафосом и агрессией в голосе восклицают, что нельзя-де историю *своей* страны красить черной краской, что это-де чуть ли не глумление над «подвигом» – хозяйственным и военным – советского народа, что это-де в высшей степени «непатриотично»: какова бы она ни была – это *наша* история. Так вот, Автор далек от следования «патриотизму» на известный манер: «он, конечно, мерзавец, но это – *наш* мерзавец (и поскольку он – «наш», «мы» не позволим его чересчур хулить)». Автор же к «мерзавцам» относится иначе. Для него «наших» мерзавцев не существует. Для него все мерзавцы – какой бы они ни были национальной или страновой принадлежности – НЕ НАШИ. А все не-мерзавцы – НАШИ! Для него все те его соотечественники, кто послал в августе 68-го года танки в Прагу громить режим чехословацкого «демократического социализма», – полные и законченные мерзавцы, и все они – «не наши». А деятели Пражской весны (Дубчек, Смирковский, Шилган...), лидер «бархатной революции» Вацлав Гавел – все они (чехи, словаки, евреи...) – все они «наши»!

Автор понимает «национальную гордость» – примерно так, как понимал её Владимир Ульянов в статье «О национальной гордости великороссов» (декабрь, 1914 г.): «Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве!.. Нельзя разобрать,

где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год... Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т.е. 9/10 *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом... Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое...»³⁰

Такая вот эта «новая формация», сложившаяся в России к 30-м годам XX века и просуществовавшая до середины 80-х.

А затем? Что же случилось затем с «номенклатурной диктатурой»?

А затем, в ходе «перестройки» 80-х годов, реформ 90-х и «стратегии вертикали» первого десятилетия XXI века, она никуда не исчезла, она просто перевернулась на другой бок, сохранив свое господство под вывеской «демократии» («номенклатурной», по характеристике Автора, демократии). И так же, как

³⁰ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. / Ленин В.И. Собр. Соч, 5-е изд. Т. 26.- С. 106, 107–108.

«номенклатурный социализм» не был социализмом, так и «номенклатурная демократия» с действительной демократией не имеет ничего общего, она сохраняет **суть** прежнего режима: господство бюрократии (номенклатуры) в несколько измененной форме – некоторое подобие «демократии» (да и то – постоянно сужаемой) для различных фракций номенклатуры и «диктатура номенклатуры» для гражданского общества.

А теоретически закреплено представление о социальном строе и политическом режиме, сформировавшихся к концу XX века, Автором в содружестве с его давним (с «новомировских» времен) другом и единомышленником Юрием Буртиным. Они изложили свою позицию относительно того, какой именно строй сложился в России, в ряде статей (см. «Известия», 1.06.1994, «Независимая газета», 2.06.1994, «Новая газета», № 32, 1996). В следующем разделе – характеристики этого строя, который они определили как единство «номенклатурного капитализма» и «номенклатурной демократии».

Конец 90-х

«НОВЫЙ СТРОЙ»:

НОМЕНКЛАТУРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ,

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

НОМЕНКЛАТУРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Это – политический режим, отличающийся как от номенклатурного тоталитаризма и авторитаризма (существовавших в сталинско-брежневский период), так и от подлинной, настоящей («общегражданской») демократии.

Как хорошо известно еще со времен Аристотеля, демократия – это «правление многих» («большинства», в пределе – всех). То, что мы имеем сегодня в России, – это «правление немногих» («олигархия», как сказал бы античный классик). Элитарный характер нынешних политических партий, созданный специально для движения вверх «элиты» механизм выборов, узкогрупповые интересы, доминирующие в деятельности парламента и

государственно-чиновничьих структур, стали сегодня настолько очевидными, что даже глава нынешнего режима, российский президент, вынужден был отметить как несомненный факт, что «появилось и углубляется новое отчуждение власти от людей».

В элитарности, в усиливающемся механизме отчуждения людей от власти и состоит главное отличие сложившегося в России режима от действительной демократии.

Теперь сопоставим его с режимом сталинско-брежневских времен. Общее у них, во-первых, то, что и тот и другой – форма правления «немногих», меньшинства, «элиты». Схожи в них и механизмы формирования этого «элитарного», господствующего меньшинства. Здесь «элита», «руководящие группы» формируются не на арене открытой демократической конкуренции талантов – на виду, под надзором и влиянием всех слоев гражданского общества, здесь мнение, позиция «низов» не играет никакой существенной роли. Все основные импульсы идут по вертикали – сверху вниз. Люди **назначаются** на руководящие должности волей узких, «закрытых» верховных групп, иногда освящая подобные назначения голосованием какого-либо низового органа. Так осуществляло расстановку руководящих кадров в масштабе страны Политбюро ЦК КПСС, так обкомы партии формировали руководящие структуры районных звеньев. Так затем действовало горбачевское Политбюро, сформировав дружную руководящую команду из будущих путчистов августа 1991 года. Примерно так назначало (после августа 91-го года) представителей президента на местах, руководителей местной администрации некое новое, никем не избиравшееся «политбюро», сложившееся на самом верху, куда входил ряд влиятельных деятелей – так называемых серых кардиналов. Такой метод формирования руководящих структур и именуется «номенклатурным», а **таким** образом формирующаяся «элита» называется «номенклатурой».

Вот почему, по утверждению Автора, и сталинский, и брежневский, и горбачевский, и нынешний политические режимы принадлежат к одному и тому же роду – номенклатурному

правлению. Но между ними (внутри общего рода) существуют и важные, так сказать, **видовые** различия. Сталинско-брежневская номенклатура – одномерна, однопартийна, моноидеологична, со строжайшей регламентацией всего и вся и с жесткой (даже жестокой) внутренней дисциплиной. При этом сталинский вариант – более жестокий и всеохватный, это **номенклатурный тоталитаризм**. Брежневщина – ослабленный, смягченный вариант тоталитаризма; это – **номенклатурный авторитаризм**. Нынешняя «элита» – плюралистична и многопартийна (в ней широкий спектр политических сил – от консерваторов и либералов до коммунистов и националистов). Последнее время внутри нее шел поиск наиболее адекватной времени и ее интересам системы взаимоотношений частей элиты. В духе старого менталитета был испробован режим конфронтации, курс на уничтожение оппонентов. Наиболее дальновидные пришли к выводу, что такой курс губителен для всех частей элиты. Ее общие, долговременные интересы требуют «цивилизованных», «демократических» способов взаимоотношений. Вот почему можно сказать, что сегодня осуществляется переход от номенклатурного тоталитаризма к **номенклатурной демократии**. Но, это демократия «цензовая», для «немногих», внутри меньшинства.

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Новый **экономический** строй, основные черты которого сложились в России, достаточно сильно отличается от того, которому он пришел на смену. В то же время он имеет весьма мало общего и с тем, что не раз провозглашалось у нас в качестве цели антитоталитарной революции: развитое гражданское общество, высокоэффективная рыночная экономика, демократическое правовое государство. Ни по одному из перечисленных критериев наш новый строй, который я называю «номенклатурным капитализмом», не приближается к указанному образцу и вообще, кажется, не имеет сколько-нибудь близких аналогов во всей предшествующей мировой истории.

Мы имеем дело с результатом перестройки (очень точное ока-

залось слово!) нашего прежнего устройства. Система, при которой мы прожили большую часть своей жизни, была не сломана, а перестроена, она сохранилась, только как бы перевернулась на другой бок. При этом в ней много изменилось, кое-что (устаревшее и маловажное для нее самой) с нее осыпалось. Во-первых, (и раньше всего) отлетела, как пустая шелуха, старая официальная идеология, в которой правящий слой не испытывал большой нужды. Во-вторых, рассыпалась тоталитарная политическая система – с КПСС и Советами, Госпланом и Госснабом, КГБ и цензурой. В-третьих, совершился переход к рынку. В-четвертых, произошла децентрализация государственной собственности и раздача ее в персональное владение тем, кто прежде лишь управлял ею в качестве государственных служащих. В результате на базе директорского корпуса и местной администрации у нас сформировалось чрезвычайно оригинальное явление – класс индивидуальных владельцев объектов государственной собственности.

Нынешний строй включает в себе весьма многое от «нормального» капитализма, в том числе свободный рынок (хотя и на монопольной основе), хозяйственную деятельность исключительно с целью извлечения прибыли, постепенно расширяющийся сектор частной собственности на средства производства, землю, недвижимость и прочее. Вместе с тем это принципиально иной строй, прямое продолжение нашего доперестроечного уклада.

Начать с того, что все рычаги государственного управления как в центре, так – в особенности – на местах, остались в руках прежнего «аппарата», лишь слегка разбавленного новыми людьми (впрочем, быстро уподобившимися старым). И даже наш частный бизнес имеет сугубо аппаратную природу. Вот вполне типичный пример, относящийся к Липецкой области: «Бывший первый секретарь обкома Виктор Донских – генеральный директор акционерного общества. Бывший первый секретарь горкома Евгений Васильчиков – заместитель председателя правления акционерного банка. Бывший управляющий делами обкома Анатолий Негробов – совладелец частной фирмы. Бывший секретарь Задонского района Николай Наумов – генеральный директор товарно-сырьевой биржи... Впрочем,

движением из агитпропа в бизнес ныне никого не удивишь»³¹. А самое главное, осталась в сути своей неизменной основа общественных отношений «реального социализма» – система эксплуатации большинства населения правящим бюрократическим слоем, только к прежнему – коллективному, корпоративному – способу такой эксплуатации прибавились новые, свобода же пользования ими стала почти безграничной.

Это – общество, где средства производства, даже если они «приватизированы», по-прежнему лишены заботливого и инициативного хозяина; где не поощряются трудолюбие и бережливость; где царят казнокрадство и коррупция; где безраздельно властвует чин, а рядовой человек перед ним по-прежнему абсолютно бесправен. Как и то, что было раньше, это принципиально застойная структура, лишенная всяких ресурсов саморазвития. Спокойно, эволюционным путем перерасти в нормальное современное постиндустриальное общество она не в состоянии, в то же время мягкую, «бархатную» революцию, наподобие тех, что прокатились по странам Центральной Европы, наш послеавгустовский режим сумел успешно предотвратить.

И вот этот-то новый застой и новую несправедливость нам предлагают рассматривать как нормальную жизнь! Этот-то ублюдочный псевдокапитализм, результат ограниченных, половинчатых реформ, проведенных за счет народа в пользу «обновленной» и «демократизировавшейся» комноменклатуры пытаются «стабилизировать» и освятить с помощью договора об общественном согласии!

НАЧАЛО XXI ВЕКА

В 2003 году вышла в свет книга Юрия Буртина «Исповедь шестидесятника». Вышла посмертно. В заключительной части книги друзья и единомышленники Буртина выясняют его значение для общественной мысли России. Среди них и статья Автора, которая называется «Завещание Юрия Буртина. Что делать? Кому делать?». В ней Автор излагает, по сути, **общие их с Буртиным**

³¹ Выжутович В. Партия начальства. // Известия. 1994. 12 марта.

ВЗГЛЯДЫ, которые оттачивались в их постоянном, едва ли не каждодневном, общении, а также в совместных публикациях, имевших нередко о многом говорящий подзаголовок: «Монолог в форме диалога». Имеет поэтому смысл привести отрывки из этой статьи, которые дают представление одновременно и о позиции Ю. Буртина, и о современной позиции Автора. И потому мы просим читателя: всюду, где встречается фамилия Буртина добавлять к ней мысленно фамилию Автора.

В приведенных отрывках выясняется сущность общественного строя, сложившегося в России после всяких «перестроек» 80-х годов и «великих реформ» 90-х, а также его взаимосвязь с политической и социальной системой «реального социализма» (отметим только, что глубокие и плодотворные идеи о «конвергентных» и «доконвергентных» формах «капитализма» и «социализма» разработаны *исключительно* Ю. Буртиным).

А теперь обратимся к обещанным отрывкам из вышеупомянутой статьи.

«Ельцин: чужая власть». Разумеется, Буртин всем сердцем и всей душой был с защитниками Белого дома в августе 91-го, с теми, кто несколько дней и ночей, безоружными, стояли у нелепых, легко сметаемых баррикад, и кто своим героическим стоянием, своей непоколебимой решимостью – умереть, но не стать на колени перед ГКЧП – похоронил прежний режим, и кто, к великому сожалению Буртина, ушёл в никуда, предоставив «августовским победителям» мастерить новую политическую систему.

Ельцинский режим недолго оставался загадкой для Ю. Буртина. Уже в марте 92-го (!) года диагноз – с буртинской беспощадностью – был поставлен: «Чужая власть!». И по адресу своих прежних друзей-товарищей из «Демократической России» (тех, кто после «августа» вольготно обустроился во властных креслах) он прошёлся соответствующим образом (беря, как это для него характерно, часть общей вины и ответственности на себя). Он назвал знаменитое народное переименование «демократов» в «дерьмократы» «справедливым возмездием» – «за то, что, за очень

редкими исключениями, все мы действительно оказались никудышными демократами. Едва получив возможность восстановить честь русской интеллигенции, мы очень скоро, за какие-то три-четыре года, снова её потеряли... Мы оказались падки на успех, на свет телевизионных юпитеров... Только и слышно было о наших «прорабах» перестройки: «он сейчас в Англии», «она завтра прилетает из Швеции», «на следующей неделе они все уезжают в Барселону»... В Барселону ездили много чаще, чем в Тулу и Кострому... Незаметно возникал стиль жизни, недоступный большинству, и тем самым реальное отдаление от этого большинства. А затем к вкусу популярности для многих «новых людей» добавились вкус власти, маленькие удовольствия, доставляемые высоким общественным положением, могучее действие удостоверения с почтенным титулом, украшающим фамилию, личный кабинет в Белом доме, исполнительность помощников и секретарш... И не с суда над другими надо начинать сегодняшний анализ, а с суда над собой. С личного примера бескорыстия, самоограничения, «нестяжательства», – было в русской церковной истории такое течение, вот его бы традицию нам возродить, хотя бы на тот период, пока так бедствует большинство народа! С категорического отказа от привилегий и тайн, от недомолвок и полуправды. Только такое и идет в зачет, всё иное пустяки, слова, слова, слова». Естественно, в «ДемРоссии» Буртина больше не видели. И снова: никто его оттуда не вытаскивал, не «оттирал», он сам от них «оттёрся». И никакой «роли» среди них играть не собирался. Он начал активно «играть» не «среди них», а против них. Он был с «нестяжателями» против «стяжателей». Напомню – с самого начала 92-го года!

Ну, а теперь о фундаментальном пороке, свойственном обоим этим – и горбачевской, и ельцинской – социальным системам. Здесь Юрий Григорьевич формулирует одно из своих удивительных теоретических положений. Он отказывается присоединиться к широко распространенной точке зрения, согласно которой Россия совершает переход от одной социально-политической системы («социализма») к другой («капитализму»).

Он доказывает, что никакой смены *социально-политических систем* не происходит, а идет изменение лишь *форм* одного и того же социального феномена, а именно – господства правящего слоя («бюрократии», «нового политического класса», или, что для России наиболее точно, – «номенклатуры»). Сталинизм, брежневщина, режим Горбачева, политсистема Ельцина – это перелицовка одного и того же. А «одно и то же» – это, по Буртину, «безраздельная монополия на власть и собственность» правящего сословия. Это и есть главная беда России, это и есть главная причина всех её тупиков.

Поэтому *общим* ответом на вопрос «Что делать?» будет следующий: *сменить номенклатурную форму организации общества – народной (то есть подлинно демократической)*.

Понятно, это – самая общая форма ответа. И Буртин, естественно, на ней не останавливается.

Открыв общность указанных выше режимов, выявив их единую сущность, Ю. Буртин отнюдь не считал, что *формы*, которые принимает эта сущность в различные эпохи, не имеют большого значения при решении вопроса «Что делать?». Он отдавал себе ясный отчет, что различие форм проявления этой сущности обуславливает и различие способов, методов социального противоборства и требует, стало быть, уточнения и конкретизации искомого ответа. Поэтому так внимательно изучает он особенности *форм* господства номенклатуры в каждую эпоху и причины смены этих форм.

Сталинско-брежневская система базируется на «общественной» собственности, что дает основание причислять её к социалистическому типу социума. Но реально собственностью этой владеют, распоряжаются, присваивая основную часть доходов с неё, не граждане (как то мыслилось при «нормальном», «марксовом» социализме), а бюрократия, номенклатура. Бюрократия распоряжается собственностью как её *коллективный* владелец. Поэтому, если это и «социализм», то особого типа – «номенклатурный социализм» (то есть это «социалистический тип

отношений» – только внутри номенклатурного сословия, это – способ организации и деятельности только господствующего класса; общество же в целом, как небо от земли, далеко от социализма, и представляет собой классово-антагонистическое общество, причём – нового, отличного от капитализма типа).

Что касается горбачёвско-ельцинской системы, то она не вырвала собственность из рук бюрократии, чтобы передать её народу (как это обещали «архитекторы» перестройки и реформ). Она лишь перелицевала *форму* номенклатурного владения. Она позволила *членам правящего класса* перейти от коллективных (корпоративно-бюрократических) форм владения собственностью к индивидуальным, частным. В этом и была суть всех процессов «денационализации», «разгосударствления», различных приватизационно-ваучерных кампаний. Раньше, в эпоху «реального (т.е. номенклатурного) социализма», все привилегии, все блага, все дивиденды от бюрократического владения собственностью были, так сказать, «привязаны» к государственно-партийному креслу, и чиновник получал их *только тогда*, когда он это кресло занимал, и в объёме, соответствующем тому, какое место занимало его кресло в общероссийской иерархии кресел. Состояние, надо сказать, не слишком стабильное: у тебя *лично* ничего нет, всё – у «кресла». Теряешь кресло – теряешь всё! Вот потому-то и стали возникать в чиновничьих головах идеи – что не худо было бы «отвязать» все эти блага от государственно-партийного кресла («да здравствует разгосударствление!») и «привязать» их *лично* к госчиновникам и к тем теневикам из центральных, областных и районных партхозактивов, которые вокруг этих «кресел» крутились, создавая уже в те времена некую «теневую рыночную экономику» («да здравствует приватизация, ваучеры и аукционы!»). И в результате всех этих «перестроек», этих «смелых и великих реформ» появилась не просто обычная, нормальная «частная собственность», а частная собственность особого типа – номенклатурная. И двинулась эта собственность на «рынок», формируя тоже очень специфический – номенклатурный – рынок. Рынок, основным участником которого стал не свободный

массовый производитель, а коррумпированный чиновник и тесно связанный с криминалитетом олигарх.

Из этих *экономических* посылок концепции Буртина логически следуют и фиксируемые им *политические* особенности современного режима. Номенклатурный рынок порождает различие интересов орудующих на рынке корпораций, групп, кланов, криминальных структур. Для защиты своих интересов эти группы стали создавать политические организации – «политические партии». И снова – не «нормальные» политические партии, долженствующие выражать интересы различных слоёв и групп *всего* общества, а особого типа партии – «номенклатурные», то есть организации, выражающие интересы различных фракций *лишь* господствующего сословия. Номенклатурный рынок в экономике дополняется таким образом системой номенклатурного правления в политике – номенклатурная многопартийность, номенклатурный плюрализм, номенклатурная гласность, номенклатурная свобода слова. То есть свобода слова, гласность, многопартийность, всё то, что составляет содержание демократии, – только и исключительно *для* номенклатуры.

Всё это и образовало ту специфическую социально-политическую систему, которую Буртин и его единомышленники наименовали «номенклатурным капитализмом», или «номенклатурной демократией» (две формулы, выражающие одну и ту же суть).

После сказанного, думаю, понятно, почему не продуктивно ограничиться общим призывом к смене «номенклатурной» системы «народной», «демократической». Речь всегда должна идти о замене не номенклатурной системы *вообще*, а номенклатурной системы *определённого типа*. Сегодня – номенклатурного капитализма, во времена, подобные горбачевским, – номенклатурного социализма.

А раз так, то следует дать более конкретные характеристики и систем, долженствующих приходить на смену.

Что – вместо «номенклатурного капитализма»? Капитализм не-номенклатурный? Обычный, нормальный капитализм – как он

описан экономистами-классиками – Локком, Смитом, Марксом, Мизесом...? А что может быть предложено вместо «номенклатурного социализма»? Социализм, как таковой, «нормальный», «классический» – по Марксу и Энгельсу?

Может показаться, что, по логике концепции Буртина, ответ должен быть именно такой. Но нет! Тут есть одна тонкость, связанная, впрочем, с самой сутью проблемы. Дело в том, что согласно Ю. Буртину, нет «капитализма вообще» (как и «социализма вообще»), а есть две принципиально различные разновидности капитализма (как и социализма). И вот для того, чтобы выяснить, каково социально-политическое содержание этих разновидностей, для того, чтобы понять, какая система какой должна приходить на смену, чтобы в максимальной степени способствовать общественному прогрессу и интересам большинства граждан и тем самым более конкретно ответить на вышеупомянутый вопрос «что делать?», понадобилась ещё одна, может быть, самая главная для концепции Буртина, новация.

Конвергентная теория Ю. Буртина. Сам Юрий Григорьевич, добросовестнейший и щепетильнейший, отдавал тут пальму теоретического первенства Андрею Дмитриевичу Сахарову. Об этом свидетельствовал и подзаголовок его программной статьи «Россия и конвергенция» – «Идеи Сахарова вчера, сегодня, завтра». Не смею оспаривать эту точку зрения Юрия Григорьевича, но не могу не сказать, что у Андрея Дмитриевича то были всё же лишь некие наброски, соображения, фрагменты. Содержательные, глубокие, важные. Но стройной, целостной, основательно разработанной, связывающей историю и современность *концепцией* они стали только под пером Ю. Буртина.

Именно Ю. Буртину принадлежит *социально-философская* идея разделения эпох мировой истории на «доконвергентную» и «конвергентную», *им* разработана *социально-политическая концепция* различения обществ «конвергентного» и «доконвергентного» типа, *им* введены в научный оборот *политологические* и *социально-политические* категории

«доконвергентного» и «конвергентного» капитализма (соответственно – «доконвергентного» и «конвергентного» социализма), он дал оригинальную трактовку идеи их (капитализма и социализма) исторического движения навстречу друг другу, их сближения и сопряжения, и в перспективе – формирования нового общественного строя (что-то вроде «капитализма-социализма», или – что то же самое – «социализма-капитализма»).

Все эти теоретические наработки и обусловили конкретность и глубокую содержательность ответа Ю. Буртина на вопрос «Что делать?». Вот как он шел к этой всё большей конкретности.

Номенклатурный капитализм, согласно Буртину, это один из вариантов «доконвергентного капитализма» (т.е. «обнаженно классового общества с резким разделением на богатых и бедных, с жестокой эксплуатацией меньшинством населения его огромного большинства, с полярной противоположностью «верхов» и «низов», их взаимной подозрительностью и злобой» – в общем, капитализм, каким он был на ранних стадиях своего развития, например, в эпоху первоначального накопления или в эпоху, описанную в «Капитале» Маркса). Он пришел на смену доконвергентному (же) социализму – тому «реальному социализму», который имел мало общего с социалистическим идеалом, начертанным основоположниками марксизма: «В самом деле, – пишет Буртин, – провозгласили диктатуру пролетариата – получили диктатуру партаппарата. Поставили целью бесклассовое общество – оно обернулось безраздельным господством «нового класса», партийно-советско-ведомственной номенклатуры. Национализировали всё и вся, заменили частную собственность «общенародной» – она быстро стала фактическим достоянием той же номенклатуры, правда, коллективным и анонимным. Объявили о прекращении эксплуатации человека человеком – и создали режим, при котором колхозник мог завидовать своему крепостному предку, потому что нёс тяготы барщины (на колхозном поле) и оброка (со своего приусадебного участка) одновременно, труд же рядовых рабочих и служащих оплачивался в несколько раз ниже реальной стоимости их рабочей силы. В противовес

капиталистической анархии производства строили высокорациональное плановое хозяйство – получили экономику всеобщей бесхозяйственности, чудовищно перекошенную, безумно расточительную и неэффективную». И к середине 80-х, что совершенно естественно, «реальный (доконвергентный) социализм» оказался в историческом тупике, из которого формой прогрессивного выхода мог быть только переход к конвергентному обществу. Не столь даже важно – социалистического или капиталистического типа, ибо конвергентный капитализм и конвергентный социализм не антиподы, а родственные системы, ибо в них – в тех или иных пропорциях – сочетаются капиталистические и социалистические черты и ценности, что и составляет определяющую черту конвергентности. Правда, для России того времени, отмечает Ю. Буртин, больше подходил вариант конвергентного *социализма* – к этому толкали традиции общественного сознания той эпохи, бывшие в массе своей социалистическими. Но вместо этой прогрессивной возможности осуществилась другая: страна перешла ... даже не к конвергентному капитализму, а к капитализму *доконвергентному*. То есть она не сделала шаг вперед, а, по выражению Буртина, просто «перевернулась на другой бок», оставшись на том же самом тупиковом и бесперспективном месте.

Но не утопия ли это конвергентное общество?

Ни в малейшей степени! Целый ряд западных стран демонстрирует такую возможность. Да, и в российской истории, в традициях российской социально-политической мысли подобный вариант развития, как подробнейшим образом выяснил Ю. Буртин, в той или другой степени предусматривался. И в первую очередь, как это ни покажется ошеломляюще-странным для идеологов всех фракций современной политической «элиты» (от Зюганова до Немцова с Явлинским), такой вариант развития страны был разработан... **Лениным**.

Нет нужды пересказывать этот феноменальный по глубине и тонкости буртинский анализ знаменитого поворота Ленина (в

начале 20-х годов) от традиционных версий социализма (по терминологии Буртина – «доконвергентного») к принципиально новым («конвергентным»). Всё это вы сами прочитаете в статье «Другой социализм». Замечу только: надо было обладать не только исключительным даром теоретического и политического ясновидения, но и поистине буртинской доблестью, чтобы – безупречному и неоспоримому для всех демократу – пойти против течения и столь высочайшим образом оценить теоретические искания вождя Октября.

Я предсказываю, господа-товарищи: в историю образ Ленина войдёт не в красно-коричневой оправе сталинского «Краткого курса» и не фотографией, заплеванной нашими доморощенными либералами. В историю Ленин войдёт портретом, написанном кистью Юрия Буртина, портретом со сложной игрой теней и света. Войдёт политическим мыслителем и практиком, одна часть идей которого (при определенных исторических условиях) будет подхвачена и в упрощённом до предела виде реализована в чудовищной практике сталинизма. Другая же часть идей (причем, что очень важно отметить, – идей, венчающих ленинскую деятельность и составляющих, по сути, его Завещание потомкам) – будет концепцией решительной и беспощадной борьбы с теорией и практикой «доконвергентного социализма», будет историческим приговором всем сталинам всех времен и народов. Не случайно с особой злобой, с особой жестокостью расправился Сталин с теми, кто попытался поднять и понести дальше знамя новой теории, слишком рано выпавшее из рук творца «нэповского социализма», – с Рыковым, Томским, Рютиным, Бухариным, Красиным...

Ленинская концепция «другого социализма» (наряду с неолиберальными идеями «другого либерализма» и основанной на них практикой ряда стран Запада) должна, по твёрдому убеждению Ю. Буртина, стать сегодня одним из важных теоретических истоков при ответе на вопрос «что делать?».

А теперь – кому делать?

Кому делать? Новация – уже в самой постановке вопроса.

«У нашей общественной мысли, – пишет Ю. Буртин, – есть один давний грех. Она чрезмерно любит вопрос «что делать?». Любит составлять всякого рода программы действий, но при этом слишком редко задается сопутствующим, не менее важным вопросом «кому делать?». Кому эти программы адресованы? Кто всерьёз, то есть исходя из собственных жизненных интересов, захочет, а захотев, сможет их выполнить?»

Тут вот ведь какая штука. Вопросы «кому делать?» в качестве серьёзной проблемы не существовало для «нашей общественной мысли» потому, что ответ казался совершенно очевидным. Как это – «кому»? Государству, обществу, нам всем. «Общественная мысль» всерьёз принимала басню о том, что наше общество – однородное, что у нас нет принципиально разнящихся слоев и классов, и потому *все* живут одной мыслью – как сделать жизнь *всех* лучше и краше. Просто некоторые руководители не знают, что нам всем для этого делать. И вот для них-то обществовед и поясняет: а делать надо нам всем, в том числе и вам, госчиновники, вот что. В общем, все мы – одна семья.

Но реальное общество (и во времена «реального социализма», и нынешнего «реального капитализма») – это никакое не «однородное» общество, это никакая не «одна семья». Это общество, разделенное на группы, слои и классы с разными (а то и противоположными) интересами. И потому интерес одних (подобных, скажем, руководству РАО «ЕЭС» или членам других олигархических структур) призывает «делать» одно, а интерес других (скажем, врачей, учителей, рабочих, инженеров) – другое, во многом – прямо противоположное.

Поэтому сегодня и необходимо вопрос «что делать» обязательно дополнять вопросами: кто заинтересован в том, чтобы это делать («кому делать?»), и – как именно это делать («как делать?»).

Итак – кому и как?

И снова при ответе на эти вопросы – очередная теоретическая новация. И рождается она, что характерно для мышления Буртина, не на основе игры политологическими дефинициями или

премудрой кабинетной фантазии. А на основе анализа исторического *опыта*.

Во-первых, – опыта ряда ведущих стран Запада – либерального реформаторства конца XIX – начала XX века, кейнсианской революции и рузвельтовского неолиберального «нового курса», «революции управляющих» 30–50-х годов и т.д., и т.д. В результате чего «классический» капитализм обретал черты какого-то нового строя: снижался уровень противостояния внутренних социальных сил и расширялось пространство социального равенства. Тем самым – хотя и в своеобразной форме – реализовывалась одна из центральных идей социалистических предсказаний и требований. Биполярная классово-политическая система западного капитализма девятнадцатого столетия всё явственнее перерастала в многополярный социально-политический мир, основные субъекты которого вступают в ситуацию примерного социального равенства. Эти основные субъекты: *традиционный собственник* средств производства материальных благ, *менеджер* – собственник «средств управления» (идея Лена Карпинского, высоко оцененная и принятая Ю. Буртиным), *ученый* – собственник научного знания, главной производительной силы современности, *государственный служащий* – собственник «средств контроля и содействия» социальным процессам, наконец, *современный работник* – весьма образованный, культурный человек, обладающий возможностью защитить свои права и интересы с помощью созданных им профсоюзов и политических партий.

Во-вторых, – это весьма поучительный для нас послевоенный опыт перехода ряда тоталитарных режимов (в Германии и Италии в первую очередь) к демократии, к экономическим неолиберальным реформам и «социальному государству». Фиксируя ценные и поучительные стороны *этого* опыта, Ю. Буртин отмечает одну их особенность, которая, к сожалению, не позволяет надеяться на возможность его полновесного использования в наших российских условиях. Дело в том, что тоталитаризм, господство государственной бюрократии указанных режимов преодолевались

сверху. «Ждать чего-либо подобного от российских властей, – не колеблясь, утверждает Ю. Буртин, – было бы крайней наивностью». Поэтому, по его убеждению, наиболее ценен для нас другой опыт – «опыт размывания и преобразования» тоталитаризма, административно-командных структур **снизу** – опыт Пражской весны (60-х годов) и доперестроечной польской «Солидарности». Анализируя *этот* опыт, Ю. Буртин особое внимание уделяет открытому народами этих стран новому типу «партии», вообще иному, чем прежде, пониманию партии. Речь идёт о партии неклассовой и даже, что особенно важно, – неполитической. А скорее –социальной. О своеобразной **социальной** организации, представляющей интересы «всего народа».

Но и этот, наиболее ценный для России, опыт должен быть преломлен через её специфику. Ибо «в нынешней России ничто – ни в политической системе, ни в морально-психологическом состоянии общества – ничто не способствует появлению на свет» такой оригинальной «партии», такой социальной организации.

Нам надо начать, пишет Буртин на последней странице своей статьи-завещания с «активизации всевозможных, по большей части неполитических, форм низовой общественной организации и инициативы». «О чём идет речь?» – ставит вопрос Ю. Буртин. И отвечает: «Да о разного рода ячейках неформальной связи между людьми, их взаимопомощи, делании чего-то сообща на производственной, профессиональной, потребительской, культурной, правозащитной, соседской, коммунально-бытовой и т.п. почве – совсем мелких, как домовый комитет, и более крупных, как совет трудового коллектива большого завода, совсем новых, доселе неизвестных, как общество обманутых вкладчиков, и давно существующих, но до поры бездействовавших, как бы дремавших». И ещё, и ещё... Юрий Григорьевич не отказывает себе в удовольствии перечислить все те новые формы самодеятельных организаций и объединений, которые создают в самом «низу» российские граждане и которые свидетельствуют о громадном историческом потенциале этих «низов»: «Добровольно

складывающиеся кооперативы и товарищества всех форм и назначений. Стачкомы. Комитеты общественного контроля. Кассы взаимопомощи. Общества взаимного кредита. Внутривзаводские, действительно независимые профсоюзы. Комитеты защиты прав потребителей. Общественные антимонопольные комитеты производителей и покупателей сельхозпродуктов. Сельские сходы. Организации пенсионеров, инвалидов, ветеранов, бывших заключенных» и т.д., и т.д...

Характерно, что, как и всегда, Ю. Буртин не придумывает «новых форм», он всматривается в жизнь. Она рождает эти формы. Он только фиксирует их, он призывает инвентаризировать их, описать и обобщить их опыт, протянуть ниточки связей, способных соединить их в некую целостность. «Ибо в масштабе большой страны каждая из таких ячеек в отдельности не значит почти ничего, но в своей бесчисленной множественности они могут составить то...»

Внимание! Мы цитируем последние абзацы последней статьи Юрия Буртина. Внимание! Сейчас он скажет, может быть, самое важное и самое главное – то, что способно дать могучие победы в будущее.

«...они могут составить то, что называется **гражданским обществом**».

Юрий Григорьевич практически не оперировал этим понятием. Ему, в общем-то, достаточно было такой категории, как «народ». И всё же здесь, в самом конце своей последней статьи, он успел прикоснуться к этому, становящемуся важнейшим, понятию современной политической науки, успел ввести его в систему категорий своей теории. Успел зафиксировать его основополагающее значение для демократических программ и демократических движений будущего. «Нам нужно перестать следить за движением светил на государственно-политическом небосклоне – они того ни в малейшей степени не заслуживают. Жизнь – внизу, все залогом спасения России – там и только там. Пора переключить общественное внимание. Ни наши вершущечные

профсоюзы, ни насквозь коррумпированная государственная власть, ни в той же мере криминализированный околосударственный крупный капитал не стоят и тысячной доли того интереса, какого заслуживают мельчайшие поры, через которые, бог даст, пробьются ростки **гражданского общества**». На этой ноте и заканчивается последняя статья Юрия Буртина.

...Передо мной сборник докладов «Политический плюрализм в современной России». Сборник, вышедшей в 2001 году, то есть уже *после* смерти Юрия Григорьевича. Передо мной текст одного из докладов. Вчитайтесь, вслушайтесь – не продолжение ли это того, о чем писал Юрий Буртин?

«Мне и моим единомышленникам со всех сторон, из недр разных политологических фондов (тех, что прямо или косвенно подкармливаются государственной бюрократией или олигархической братвой) несутся возражения: нет-де у нас никакого гражданского общества, вообще «граждан» нет, а есть (с претензией на остроумие и глубокомыслие!) лишь «население», то есть неорганизованная, непросвещенная и потому бессильная «масса». И вы-де, «новые народники», вы, неисправимые утописты-фантазёры, предлагающие вместо реальных, выполнимых программ прекраснодушные, но бессильные утопии, только запутываете общественное сознание. Сегодня-де реальным субъектом общественных преобразований может быть только «политическая элита», и потому надо озаботиться лишь тем, чтобы более эффективно организовать её. Дать ей научно выверенные рекомендации по реформированию общества. При этом наши оппоненты любят не без претензии на тонкую иронию добавить, слегка перефразировав известный сталинский афоризм: другого гражданского общества у нас для вас нет. Помните у Сталина: «других писателей у меня для вас нет»? А между прочим, можно было бы сказать в ответ товарищу Сталину: «У вас других писателей нет, потому что всех «других» вы перебили». И гражданского общества, отвечу я моим оппонентам, у вас для «нас» не будет, если вы будете продолжать всё делать для его удушения.

Я же думаю, что несмотря ни на что, основа гражданского общества в России, и достаточно широкая и крепкая, существует. И никакое это не «население», будто бы разрозненное и безгласное, а высокоразвитый (интеллектуально и морально) **народ**, стремящийся к организации и исторической самодеятельности».

Приведя в доказательство этого многочисленные цифры и факты, данные весьма представительных опросов, автор заключает:

«Я бы обратил внимание не только на тип и уровень (высокий) политического сознания гражданского общества, но и на тот вдохновляющий всякого действительного демократа факт, что гражданское общество, брошенное на произвол судьбы, презрительно третируемое интеллектуальной «элитой», зомбируемое «элитой» политической, эксплуатируемое «элитой» финансово-олигархической, тем не менее с энтузиазмом ведет процесс своего структурирования и самоорганизации. То там, то здесь по городам и весям России возникают всевозможные объединения, союзы, комитеты, движения, самоуправленческие структуры. Иные, не выдержав трудностей условий существования, распадаются, но через некоторое время на их месте появляются новые.

Над нами посмеиваются, называя «новыми народниками». Пусть так. Но мне думается, «новые народники» – это лучше, чем «новые русские» и обслуживающая их «элитная» тусовка.

Мы обязательно проведём инвентаризацию всех инициатив гражданского общества, мы составим и представим на всеобщее обозрение карту подобных инициатив по всем регионам России, и вы увидите: не спит и не бездействует гражданское общество. Собрать крупницы этого опыта самоорганизации и самоуправления, извлечь из него уроки, дать его анализ и на его основе выдвинуть развернутую стратегию развития гражданского общества, «стратегию горизонтали» – это и есть одна из важнейших задач современной российской научной интеллигенции.

Союз гражданского общества, науки, народных, демократических организаций и всерьёз пекущихся о народном благе политических

партий и деятелей – только это даст России шанс на преодоление её бед». (Политический плюрализм в современной России. Материалы сессии Академии политической науки. М., 2001).

В статье, напечатанной в книге Буртина, Автор поскромничал и не назвал имени человека, из доклада которого взята эта цитата. Сегодня можно раскрыть эту маленькую тайну: речь идет о докладе друга и единомышленника Юрия Буртина – докладе, сделанном нашим Автором.

О ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗМА – НА СТЫКЕ СТОЛЕТИЙ

Итак, общественная формация, называвшаяся официальными советскими идеологами «реальным социализмом» (а на деле, как доказывал Автор, являвшаяся «диктатурой номенклатуры»), совершает в конце XX века эволюционный виток: властвующая бюрократия видоизменяет *форму* своего господства – на место отслуживших ей казарменно-тоталитарных форм пришел социальный строй, который Автор (вместе с Ю. Буртиным) называет «номенклатурным капитализмом», а политический режим этого строя – «номенклатурной демократией». Эта новая форма ослабляет противоречия, несколько «расширяет» тупики предшествующего периода и в силу этого продлевает бюрократии жизнь в качестве господствующего класса. Но что касается общества в целом, то эта новая форма ввергает его из огня в полымя – из одного исторически обреченного состояния в другое, столь же исторически обреченное. Вот почему Автор не испытывает никакой эйфории по поводу этого переворачивания формации с одного бока на другой. Вот почему Автор не испытывает симпатий ни к одной из фракций современной «элиты». И их «борьбу», которую одна сторона именуется борьбой против коммунистического тоталитаризма, а другая – «борьбой народа против антинародного криминально-капиталистического режима», Автор квалифицирует как драчку различных фракций бюрократической «элиты» за верхние ступени властной лестницы, за лучшие места у общественной кормушки. Автор «ни с теми и ни с другими», как он пишет в статье, посвященной изложению

взглядов замечательного мыслителя и публициста Игоря Дедкова (взглядов, как хорошо видно из текста, полностью разделяемых автором). Достаточно привести некоторые подзаголовки из этой статьи, чтобы понять, о чем там идет речь: Реальный социализм: «власть отвратительна, как руки брадобрея»; Перестройка: «великая затея пошлет на глазах»; Эпоха реформ: «черная жижа свободы»³².

И потому для Автора по-прежнему ответом на вопрос «что делать?» было: упразднить «номенклатурную демократию» и заменить ее демократической властью народа. А идеологическим обоснованием такого рода борьбы в 90-е годы оставалась для Автора идея социализма – социализма, естественно, обновленного и обогащенного опытом социальной жизни двадцатого столетия. И только в самое последнее время Автор, не отказываясь от идейного содержания защищаемой им доктрины «обновленного» («другого» по сравнению с тем, что было в Советском Союзе) социализма, все больше склоняется к мысли о необходимости замены термина «социализм» другим – более, по его мнению, отвечающим реалиям века, термином. И это должна быть не просто смена названия, но новая расстановка акцентов в борьбе за новое человеческое сообщество.

Первая позиция зафиксирована в статье Автора середины 90-х годов «Не дать умереть великой идее». Вторая – изложена в заключении к данной статье.

Не дать умереть великой идее

Перед тремя опасностями

Говорят, что "рукописи не горят" и "великие идеи не умирают". Лукавые афоризмы, служащие для убаюкивания ленивого сознания! Увы, и рукописи горят, и прекрасные идеи довольно часто гибнут, не оставляя и следа. Рукописи не сгорят, если кто-то самоотверженно защитит от невзгод земных их автора, убережет их от несправедного суда инквизиторов, если кто-то сохранит и, в конце концов, напечатает их. Идея не умрет, если кто-то будет

³² Свободная мысль. 2004. № 12.

умело поддерживать горящее в ней пламя и передавать по наследству искусство хранения трепещущего в ней огня, если кто-то сумеет сберечь ее от недругов и от тех "друзей", что хуже недругов, если кто-то сумеет постоянно освобождать ее от пыли времен и хлама, вносимых человеческим сознанием с его исторической ограниченностью, с его слабостями и пороками, отражающими специфику и несовершенство давно пройденных этапов социального бытия.

Иначе говоря, рукописи не сами по себе "не горят"; они не горят, когда им не дают сгореть. Идея не сама по себе "не умирает"; она не умирает, когда ей в каждую новую эпоху сообщают новый облик и дают новую жизнь, когда ей таким образом не дают умереть...

Социалистической идее, одной из древнейших и великих политических идей, угрожают сегодня три главные опасности.

Перечислим их по степени возрастания: первая – исходит от ее прямых недругов, вторая – от "друзей", что хуже недругов, и третья – от неумения ее сторонников придать этой идее новые, соответствующие нашему времени очертания, от их неспособности возжечь новый огонь в ее ядре, перевести ее с языка горных вершин идеологических абстракций на язык конкретных политических программ. Устранимы ли, преодолимы ли эти опасности?

Как это ни покажется странным, самое простое и самое легкое – защититься от недругов. Они открыты и откровенны, а в открытом бою социалистическая идея неуязвима. Недруги откровенно говорят, что им не по душе социалистическая идея социального равенства, которую они именуют идеей "уравнительности". Они – прямо и откровенно за социальное неравенство, ибо "уравнительство" обеспечивает лишь "равенство в нищете", а неравенство, создание слоя сверхбогатых людей стимулирует к активной деятельности и конкуренции остальных и тем способствует росту всего общественного богатства. Они – тоже откровенно против уравнивания и политических возможностей

людей, в частности, они решительно против того, чтобы "кухарки" принимали участие в управлении государством. "Кухаркам" надо знать свой шесток – плита и грязная посуда.

И на классиков социализма идут они, что называется, с открытым забралом. В особенности достается Марксу и Ленину. Марксизм для них – просто "преступное учение", провозглашающее "социальный расизм" (так интерпретируется ими марксова теория классовой борьбы и ее тезис о существовании "реакционных социальных слоев") и "абсолютизацию насилия" как универсального средства решения всех социальных проблем, как магистральный путь к обществу "всеобщей уравнительности". ("Насилие – повивальная бабка истории" – любят приводить они наиболее "криминальную" цитату из Маркса). Ну, а на Ленине вообще клейма негде ставить: "преступно-бредовые" идеи Маркса начал реализовывать на практике. Наконец, Сталин-Джугашвили завершил создание преступного общества "уравнительности" и "насилия" по чертежам Маркса и Ленина.

О преступности сталинизма спорить не собираемся. Что же касается Маркса и Ленина, то уж, позвольте, господа. (Тут есть, конечно, проблемы и есть основания для некоторых весьма некомплементарных замечаний в их адрес, но это вовсе не то, о чем пишете вы).

О Марксе. Маркс – вовсе не какая-то "незаконная комета" в ряду "исчисленных светил" европейской мысли. Он считает себя и является на деле учеником и последователем Вольтера и Монтескье, Руссо и Гельвеция, творцов Великой (и заметим – буржуазной!) французской революции. Он приветствует ее гигантский исторический шаг в сфере развития равенства: устранение сословий (устанавливавших неравенство людей от природы) и обеспечение равенства всех перед законом – политического равенства. И вместе с тем указывает на недостаточность этого шага: сохранившееся и растущее на базе нового капиталистического способа производства экономическое неравенство делает призрачной и идею политического равенства. Нужно политическое равенство дополнить

равенством социально-экономическим, что для Маркса означало: устранить возможность присвоения одними труда других, т.е. устранить эксплуатацию человека человеком. Эта идея и стала ядром марксистской формы социализма. Тут нет и речи о какой-либо "уравнительности": пожалуйста, богатей за счет своего труда, одно только "но": не живи трудом других. И все!

Насчет "насилия" как универсального средства и теории "классовой борьбы" как теории "социального расизма". Господа хорошие, не Марксом придумана "классовая борьба", он только попытался выяснить ее роль в истории; не Маркс "устранял" "реакционные" сословия во Франции, Англии и других странах Европы. "Социальными расистами" были миллионы европейцев задолго до рождения Маркса. И "методы насилия" не Марксом сочинены и не им внедрены в общественную практику. Это не Маркс развешивал на столбах участников восстания Спартака, не Маркс отправлял на эшафот Людовика XVI и Карла I, не Маркс поднял в 1834 году лионских ткачей на восстание и не Маркс руководил его подавлением. Не взваливайте же на его плечи ответственность за существование насилия в истории. И поймите, пожалуйста, в виду, что именно Маркс был тем человеком, который поставил вопрос о желательности и возможности изменить подобный, классово-антагонистический тип развития человеческого общества. Не он ли, кстати, разъяснял, что общественный идеал для социалистов исключает всякое насилие над людьми? Можно, конечно, размышлять над тем, не следовало ли Марксу призвать к исключению методов насилия не в будущем, не в "идеале", а в конкретных условиях уже середины девятнадцатого столетия. И уж тем более Ленину – в начале XX века? Я не против того, чтобы поразмышлять. Но, во-первых, это уже другая проблема, а во-вторых, не уверен, что размышление это приведет всех нас к бесспорному и однозначному результату. Прекраснодушных призывов к гуманному отношению предпринимателей к наемным работникам было немало. Но только после того, как сами рабочие "нажали" в европейской революции 1848 года, только тогда стали законодательно устанавливать границы их рабочего дня и расширять их

права. И, может быть, только в результате отчаянной полувековой революционной борьбы пролетариата стали появляться возможности его договоренностей и компромиссов с классом предпринимателей. И не один ли из первых появление этих принципиально новых возможностей политической борьбы (с использованием мирных, цивилизованных, парламентских форм) зафиксировал соратник Маркса Фридрих Энгельс в своих работах 90-х годов?

Нет, откровенные противники марксизма выглядят сегодня довольно жалко. Это в большинстве своем или наивные, но претенциозные невежды – вроде чеховского ученого соседюшки, или люди, не наивные и знающие, но из тех, кто спешит замолить перед нынешней властью свои марксистские "грехи", допущенные в доперестроечном прошлом. Ведь могут довольно сурово спросить у них сегодня: а чем ты занимался до 1985 года? А пропагандой и агитацией в сталинско-брежневские времена ведал? А доктора-профессора за прославление истмата получал?..

"Друзья" идеи

Эти значительно опасней. Мы имеем в виду и давних "друзей" социалистической идеи и их нынешних наследников. "Давние" – это те, кто кучковался – с середины 20-х годов вокруг Сталина-Джугашвили. Тут были все атрибуты горячей приверженности великой идее: прославление "непогрешимого" Маркса, призыв учиться у Ленина ("нашего учителя, нашего вождя"), клятвы на интернационализм и неразрывную "дружбу народов"; здесь и "все для человека", и "депутаты – слуги народа", и наша демократия – "самая яркая демократия земли", и "нерушимое единство партии и народа", и собственность общественная (все хозяева!), и в основе всей жизни – твердые планы. Всё как и должно быть при социализме. Но это были слова.

А дела... Дела были вот какие: в основе экономической системы лежала весьма специфическая "многоукладность": рабский труд миллионов в лагерях, полуфеодалская эксплуатация крестьянства (крестьяне – без паспортов, намертво прикреплены к земле,

трудодни – чистая формальность, на них не проживешь), и подневольный труд рабочих в городах. А "самая яркая демократия земли" была на деле диктатурой номенклатуры. Иначе говоря, никакого социализма тут и близко не было. Сложился строй особого типа, социально-антагонистический и политически-тоталитарный. Шла дискредитация социалистической идеи.

Нынешние наследники этих давних "друзей", так же, как и те, называют себя "коммунистами", так же, как и те, отождествляют прежнюю реальность с социализмом и зовут россиян вернуться к тем словам и тем делам. Более того. Преобладающие среди них сегодня течения вместо интернациональных знамен поднимают "патриотические", "националистические" флаги, формируя тем самым движение, которое справедливо характеризуется как "национал-коммунизм". Очень важно не перемешаться с этими людьми. Это – не "двоюродные братья", не "родственники" сторонников подлинно социалистической идеи. Это – их антиподы.

Что значит быть социалистом сегодня?

Я бы так ответил на этот вопрос.

1. Это означает, во-первых, быть наследником не "только марксовой" формы социализма. Марксизм – лишь один из источников современного социализма (хотя и чрезвычайно важный, но все же "один из"). Мы должны быть наследниками всей многовековой социалистической традиции. Особенное внимание у нас должны вызвать сегодня те особенности домарксистских и немарксистских форм социализма, которые состояли в том, что многие из них рассматривали социализм не как особую формацию, а как движение, направленное – во все эпохи (от рабовладения до капитализма) – к достижению максимально возможного для тех условий равенства людей и тем способствовавшее гуманизации существовавших форм экономических и демократически-политических отношений. Необходимо также учесть одну важную поправку, которую время внесло в рассуждения Маркса. Маркс жестко связывал уничтожение эксплуатации с неременной ликвидацией частной собственности. История показала, что организованный в

сильные профсоюзы и влиятельные партии рабочий класс в состоянии ограничить (а в перспективе – не допустить) присвоения своего труда предпринимателем и при наличии частной собственности.

2. Мы не должны рассматривать свою позицию как единственно справедливую, единственно возможную и единственно допустимую. Естественно и законно наличие других политических позиций. Мы будем решительно защищать их моральное и юридическое право на существование, следуя знаменитому принципу вольтеровского либерализма: я не согласен с вашей точкой зрения, но готов отдать жизнь за ваше право ее высказать.

3. Мы – не абсолютные апологеты ленинской стратегии. Не все ее положения мы оправдываем и в контексте тех времен, и уж тем более не склонны целиком переносить ее в дни сегодняшние. Но подобно большевикам ленинской выучки мы не хотим, чтобы общество делилось на белую и черную кость, на людей благородно-голубой и неголубой крови, чтобы одни были управителями, а другие – бессловесным быдлом. Мы хотим, чтобы в управлении государством участвовали все – в том числе и знаменитые "кухарки".

4. Мы – абсолютные противники сталинизма. Как портреты "социалиста" Гитлера, так и портреты "социалиста" Сталина не могут быть подняты над нашими головами.

5. Мы должны быть **социалистическими критиками** той общественной системы, что, начиная с середины 20-х годов, формировалась в нашей стране. Это не означает, что мы рассматриваем ее существование как какое-то полное и нелепое "выпадение из истории". Методологически наш анализ этой системы должен напоминать тот анализ, который дали капитализму в "Манифесте" Маркс и Энгельс: показать, как в условиях социально-антагонистической и политически-жестокой общественной формации создавалось общественное богатство, решались задачи, поставленные историей, и как развитие кричащих противоречий этой формации сделало абсолютно невозможным ее

дальнейшее существование, поставило задачу формирования новых общественных отношений. Я бы обратил внимание, в частности, на то, что в специфических формах страна наша решала задачу создания основ индустриального общества, – то, что на Западе осуществлялось в кровавую эпоху первоначального накопления капитала, в жестокие периоды раннего капитализма. И худо-бедно эта задача оказалась в принципе решенной. Кроме того, давление и мощная инерция целого ряда социалистических установок Октябрьской революции способствовали осуществлению – хотя в чрезвычайно деформированном сталинизмом виде – таких исторических задач, как бесплатное всеобщее образование, бесплатное медицинское обслуживание, практически бесплатное жилье и т.п. Нет никакого смысла ликвидировать эти завоевания, доставшиеся такой дорогой ценой нашему народу.

6. В 1956 и 1985 годах наше общество и приверженцы социалистической идеи упустили в высшей степени благоприятные возможности для эволюции общественных отношений страны в направлении демократического социализма и гуманизма. Своеобразие нынешнего момента – идущий переход власти от прежней партгосноменклатуры к номенклатуре нового ("демократического") типа. Все основные, боровшиеся за власть политические группировки (Демвыбор, Гражданский союз, Фронт национального спасения, «Наш дом – Россия» и т.д.), – это всего лишь различные фракции номенклатуры – старого и нового типа. Задача социалистов – не погрязнуть в хитросплетениях этой верхушечной политической возни, где речь идет о дележе собственности и власти между различными номенклатурными группами. Быть не "партией власти", а партией, способствующей и помогающей трудящимся прийти к реальной власти. Не верхушечным "союзам", "блокам", "круглым столам" следует уделять главное внимание, а деятельности "внизу" – внутри "гражданского общества", способствуя различным формам народных объединений – созданию союзов учителей, врачей, инженеров, клубов ученых, деятелей культуры, объединений рабочих, фермеров. Это тем более важно в преддверии грядущих выборов: сплоченным группам

политической номенклатуры должно противостоять хорошо организованное гражданское общество.

И в заключение – в порядке размышления

А может быть сегодня есть смысл нам отказаться от именованя нашей стратегии деятельности термином «социализм»?

Во-первых, уж очень он стал каким-то расплывчатым, обозначающим очень разные взгляды на социальную реальность и пути ее преобразования. Да, в середине XIX – начале XX века, если человек называл себя социалистом, всем было ясно, чего он хочет, к чему стремится. Это означало, что вы – противник мира капитала, друг трудящихся, сторонник общественной собственности и социального равенства. Если же *сегодня* вы называете себя «социалистом», то никому не будет понятно, *кто* вы: то ли подобно членам французской социалистической партии стремитесь усовершенствовать современный мир капитала, то ли подобно лидерам КПРФ тоскуете по «стабильным» и «светлым» сталинским временам, то ли вы разделяете устремления современной социал-демократии (этих «тоже-социалистов»); а, может, вам близки установки Фиделя Кастро или Уго Чавеса; а вдруг вы – страстный поклонник идей «великого кормчего» Мао или чуть менее великого, но тоже знаменитого и «глубокоуважаемого вождя» Ким Ир Сена (и его теории чучхе), а то, глядишь, и – лидера «красных кхмеров» Пол Пота. В общем, термином «социализм» вы не проясняете, а запутываете дело.

И во-вторых. И это обстоятельство даже более важно, чем первое. Термин «социализм» относится к той эпохе, когда на первом плане стояла задача преодоления *капитализма*. В XX – начале XXI века появилась принципиально новая задача – преодоление системы «бюрократического (казарменного) социализма», а затем и выросшей из него системы «бюрократического (номенклатурного) капитализма». Да, и та, и другая задачи, конечно, родственны. Они включают в себя примерно одинаковые ценности и цели. Но движущие силы антибюрократической борьбы, способы преодоления «бюрократического социализма» существенно

отличаются от той борьбы, которая проходила и происходит в современном капиталистическом мире. Борьба за «антикапиталистический» социализм не может не отличаться (и весьма существенно!) от борьбы за «антибюрократический» социализм. При всей родственности это всё же разные стратегии: для западного мира наиболее существенно движение от частной формы капиталистической собственности к доминированию собственности общественной, для России (эпохи «реального социализма») приоритетны задачи политической и экономической демократизации, позволяющие *формально* общественную собственность сделать *реально* общественной. И еще более специфичны будут формы преодоления нынешнего российского «номенклатурного капитализма» – они не могут не отличаться и от форм «антикапиталистической», и от форм «антибюрократической» борьбы.

Вот по всем этим причинам термин «социализм» сегодня не проясняет, а затемняет дело. Он уже не ориентирует (как прежде), а дезориентирует.

Что же предложить вместо? Какой термин в большей степени служил бы самоидентификации современных борцов против капиталистического и номенклатурно-бюрократического миров?

Я предложил бы: «РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ».

В нем, во-первых, фиксируется главная цель и главная ценность нового общества – ЧЕЛОВЕК. Этот термин указывает, что при строительстве нового общества речь идет в первую очередь не о росте материального богатства общества, и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то, и другое, безусловно, важно), а об ОЧЕЛОВЕЧИВАНИИ деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека – от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, речь идет о превращении *каждого* человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего *субъекта* истории, о превращении «хомо экономикус» (т.е. «экономического человека») в «человека творческого», перестающего быть придатком машины (при капитализме) или

винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных режимах); речь идет о знаменитом – со времен Маркса – «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении *каждого* индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в *универсально* и *всесторонне* развитого Человека.

В этом термине, кроме того, заложена идея, созвучная нашему времени и современным возможностям, – а именно, что *все* формы человеческой деятельности и борьбы должны быть подчинены в первую очередь *моральным* требованиям. Нравственность должна доминировать над экономикой, политикой и правом. Образно говоря, речь идет о превращении экономическо-капиталистического и административно бюрократического обществ в подлинно ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ сообщество. Нравственность, справедливость, гуманизм – вот главные движущие мотивы развития нового, грядущего общества. Добавим, что речь идет не просто об абстрактно-гуманистических настроениях и стремлениях, но о гуманизме, в полной мере учитывающем степень зрелости общества, масштабы потенциала сил, приступающих к его преобразованию, культурные традиции данного общества, его экономические, политические и правовые черты. Речь, стало быть, идет не о гуманизме благих пожеланий, но о гуманизме, замешанном на строгой социальной теории. Не о гуманизме бесплодных мечтаний, а о гуманизме выполняемом и абсолютно реалистическом. То есть о *реальном* гуманизме.

Мне этот термин нравится еще и потому, что он рожден в марксовой плавающей теоретической печи. Правда, употребил его немецкий мыслитель, по сути, лишь однажды, и хотя в очень серьезном, можно даже сказать, в программном контексте, но он, судя по всему, не придавал ему строгого категориального значения. У него этот образ носит скорее образный, нежели строго научный, категориальный смысл. Мы полагаем, что сегодня у нас есть все основания перевести это марксово выражение из разряда «образов» в разряд строгих научных категорий.

А заимствование марковского термина, «перевод» его из второстепенных во всеопределяющий лишний раз продемонстрирует наше уважение к предшественникам и стремление подниматься на новый уровень теории, опираясь на предшествующий.

P. S. И последнее. Завершение и наиболее полное изложение концепции Автора истории социалистической идеи в России и её возможного будущего – в его статьях самого последнего времени (2020-2022 гг): «Ленинское наследие. Вода живая и мёртвая», «Мартов и Ленин», «После Ленина», «Альтернативы: Бухарин-Сталин», «Политическое завещание второго вождя Октября (Троцкого)».